

ЯРОСЛАВ ДУНАЕВСКИЙ

КОНТЕЙНЕР №7

Ярослав Дунаевский

Контейнер #7

<https://litres.ru/74002006>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где физическое тело стало лишь оболочкой, а человечество давно живёт в виртуальности, почти не осталось запретов. Здесь можно испытать всё. Стать кем угодно. Любое желание исполнимо. Но чем дальше люди заходят в этом раю без границ, тем сложнее остановиться и понять, что на самом деле значит быть человеком. «Контейнер 7» — киберпанк-антиутопия о природе сознания и о том, где проходит граница между человеком и машиной.

Содержание

Благодарности	4
Пролог	6
1	7
2	27
3	53
4	76
5	90
6	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Контейнер #7

Благодарности

Эта книга могла не появиться на свет на каждом этапе своего существования.

Поэтому сначала самое важное:

Спасибо моей жене. Ты верила в меня даже тогда, когда я сам в себя не верил. Без тебя эта история так и осталась бы одной из тех идей, которые не доходят до конца.

Спасибо сестре. За поддержку, которую ты всегда готова оказать, с чем бы я ни обратился.

Спасибо первым читателям — Никите Саляеву, Максиму Милице и Юлии Сойкель. Ваша точная обратная связь помогла мне иначе взглянуть на книгу.

Отдельная благодарность людям, с которыми я создаю игры. Опыт работы с историями, где реальность и виртуальность переплетаются, во многом сформировала этот мир.

А также спасибо всем, кто читает и будет читать эту историю. Надеюсь, она откликнется вам и вы с удовольствием проведете в ней время.

А если вдруг что-то покажется вам ошибкой — может

быть, именно они и делают нас живыми?!

— Ярослав Дунаевский

Пролог

11100010 10000000 10011100 1000011 1101111 1100111
1101001 1110100 1101111 101100 100000 1100101 1110010
1100111 1101111 100000 1110011 1110101 1101101 101110
11100010 10000000 10011101 100000 11100010 10000000
10010100 100000 1010010 1100101 1101110 11000011
10101001 100000 1000100 1100101 1110011 1100011
1100001 1110010 1110100 1100101 1110011 ¹

¹ “Cogito, ergo sum.” — René Descartes

А если мысль скопирована?

1

Город, в котором ночь никогда не кончалась, дышал.

Неоновые блики мерцали на кубических зданиях с огромными окнами, через которые виднелось убранство чужих апартаментов. Стекланные перегородки, футуристические кресла, столы, излучающие мягкий свет. Все это отражалось от зеркальных полов и редких людей, любующихся городом через толщу цифрового стекла собственных апартаментов.

Их взгляд, скользящий по улице, наткнулся на яркие вспышки голографической рекламы, которая набрасывалась на тех, кто имел неосторожность слишком приблизиться. Она выскакивала из стен и витрин, чтобы насильно предложить собственную дозу маркетинга — индивидуализированного и максимально точного. Как будто сама городская реальность умела читать мысли, угадывать желания и страхи. Любой прохожий мог стать их клиентом, а мог воспротивиться желаниям, показать характер и пройти мимо, гордясь собственной стойкостью. Но ровно до того момента, пока не появлялся новый вызов, еще более агрессивный, вытягивающий на свет еще более сокровенные страсти и тайные мечты.

Машины и мотобайки мчались по магистралям, их фары оставляли яркие следы света, а в ушах продолжал вибрировать негромкий цифровой гул моторов, сливающийся в еди-

ное жужжание. Каждую ночь они неслись исключительно по своим, невероятно важным делам, соревнуясь между собой не только за право оказаться где-то там, в точке притяжения, но и за возможность сделать это быстрее тех, кто стал их вольным или невольным попутчиком.

Автомобильные потоки становились лабиринтами, в которых каждый маневр и каждая смена полосы решала судьбу. И если бы кто-то из них остановился на мгновение, то смог бы увидеть, как огромные небоскребы, словно столпы уходят в облака и поддерживают небо, что нависло над этим городом.

А если оказаться выше облаков, там, где спрятались целые районы деловой жизни. То можно было бы увидеть электрические переливающиеся искры, появляющиеся где-то на вершине и скатывающиеся по небосклону вниз, проходя свой путь, словно падающие звезды.

И вдалеке, на пике самой высокой башни, можно было бы заметить огромный рекламный экран с логотипом корпорации, создавшей все это великолепие. И заодно напоминающем о том, что этот город принадлежит тем, кто владеет сознанием, а не телом.

Внутри этого хаоса прогрессировал ритм жизни. Маленькие люди на фоне огромных зданий, растворяющиеся в тени информационного шума. Их лица оставались скрытыми за масками аватаров, подражающими той или иной моде и позволяя не быть узванными. Хотя сами цифровые копии уже

давно заменили тех, кто находился за границей виртуальности, став их основным воплощением.

Этот город открывал свои ворота всем желающим. И, слишком быстро пресытившись первым впечатлением, тебе начало хотеться все больше и больше. Платить дороже и дороже. И в тот момент, когда токены кончались, зачастую вместе с ними кончался и страждущий, превращаясь в бледную высушенную тень, что, словно наркоман, мучается от ломки. Но разве можно себя ограничить там, где каждая дверь и каждый поворот — это соблазн?..

Лин любовалась городским пейзажем, сидя на крыше одного из зданий и, прислонившись спиной к стене, смотрела на движущийся поток, что струился внизу. Это зрелище успокаивало. Мелькание вывесок, движение аватаров. Здесь был ее островок тишины. Место, где она могла ни о чем не думать. А просто на какое-то время оказаться наедине с собой. Попробовать хотя бы иногда услышать себя, вместо бесконечного белого шума, окружающего ее каждый день.

Она водила рукой по поверхности крыши, размышляя о том, до чего точно передана текстура. Черная, шероховатая, с вкраплениями мелких камешков, которая прекрасно защитила бы от дождя, если бы он здесь когда-то случился.

Лин кончиками пальцев наслаждалась ощущением тактильности, закрывая глаза и представляя себя где-то совершенно в другом месте. Текстура казалась не просто настоящей, она была намного лучше несовершенных аналогов в

реальности. Оттого к ней так приятно было прикасаться.

— Лин!

Звук ее имени долетел словно бы из ниоткуда и вначале не слишком привлек внимание. Казалось, он был искаженным отзвуком того, что происходило на улице, и девушка постаралась тут же забыть об этом. Но затем до нее вновь донеслось:

— Лин...

Ей не хотелось отвечать. Не сейчас. Может, позже...

— Ты нам нужна!..

«Нет, не хочу...» — подумала девушка.

— Срочно!..

Она узнала этот голос почти сразу, наверное, еще до того, как сама осознала это. Но ее смена закончилась часов, наверное, пять назад. А от терминала она отключилась буквально недавно, и ей ужасно не хотелось возвращаться.

— Опять взлом...

«Только не опять...»

Лин прошерстила сегодня этот код вдоль и поперек, и ей совершенно не улыбалось делать это вновь. Только маленький вредный жучок внутри нее требовал все закончить. Сделать как надо.

— Я знаю, что ты устала, я уже несколько раз пробовал связаться хоть с кем-то из дежурных инженеров, но никто не отвечает.

«Братец говорил, что придумал, как блокировать надоед-

ливые запросы админов... Надо будет расспросить его об этом...»

— Лин...

Последнее обращение было почти мольбой. Что-то вроде «я бы с радостью тебя не трогал, но не могу, потому что это наша работа...» только выжатое до трех букв ее имени.

«Чтобы ты застрял в загрузке...» — выругалась про себя девушка, вздохнула, и перед глазами возник терминал.

— Говори, — произнесла она сухо, имея в виду что-то вроде «так уж и быть, но ты будешь мне должен. Много!»

Голос в момент стал жестким, а каждое слово произносилось четко и быстро:

— Деловой квартал, Восточная башня Сонаты, твой участок кода, проникновение извне, попытка захватить данные.

— Подключение все еще активно?

— Нет, оборвали. Ждем повторной попытки.

Лин пробежалась пальцами по призрачной клавиатуре, и перед глазами замерцали строчки кода. Все выглядело вполне себе стабильно.

— Ты уверен, что это был не баг?

Она и так знала ответ, но не удержалась от удовольствия уколоть.

— Проникновение было зафиксировано в 15:23:34:003.

Лин открыла лог и быстро добралась до записи. Внешний порт открылся буквально на доли секунд. Девушка задержала дыхание и пробежалась взглядом по строкам. Лог не со-

держал конкретной информации о том, что именно пытались вытащить. Но все было проделано красиво. Она даже успела оценить последовательность запросов к системе.

«Любопытно...»

— Он опять подключается! — голос администратора был все таким же резким, но теперь в нем звучала тревога. — Триста пятидесятый порт открыт! Запрос внешнего подключения.

— Я вижу, — она мгновенно переключила внимание, жестом разделив экран. Ее пальцы заметались по клавиатуре, выстраивая защитные цепочки, оставляя приманки и усложняя проникновение в систему:

```
>FIREWALL: LAYERED_INIT
```

```
>INTRUSION_VECTOR = DETECTED
```

```
>TRACEBACK = SPOOF
```

```
>ACCESS_ROUTE = SHADOW_DUPLICATE
```

— Закрываю все порты. Немедленно. — Голос администратора прозвучал, как приговор.

— Стой! Не смей! — выкрикнула Лин. — Мне нужно хотя бы несколько секунд!

— Ты знаешь протокол! Администраторы не имеют права рисковать данными системы, тем более корпорации!

— Я должна вычислить след! Простая блокировка бесполезна!

— Лин, ты рискуешь!

— Знаю...

Все это время пальцы девушки металась по клавиатуре.

```
>HONEYPOT_DEPLOY: NODE_17
```

```
>BAIT_SIGNAL = ACTIVE
```

```
>RESPONSE_DELAY = RANDOMIZED
```

— Ну же... попадись... — шептала она.

— Больше тянуть нельзя!

Лин скрипнула зубами. Это ее код и ее система, никто не вправе тут хозяйничать без ее ведома.

— Пять секунд. Дай мне пять секунд. Если ничего не получится — закрывай.

Администратор явно не хотел соглашаться, но все же промолчал.

Лин сосредоточилась, отбросив все эмоции. Пальцы уже летали по клавишам. Выписывая строки, соединяя защитные узлы с обрывками кода, словно ткань, зашиваемая быстрой иглой, но в каждой стяжке оставалась петелька. Крошечная, но вполне весомая, чтобы хакер на той стороне в нее попался.

```
>PACKET_STREAM = FRAGMENTED
```

```
>SIGNAL_NOISE = INJECT
```

```
>MIRROR_PATH = ENABLED
```

```
>EXTERNAL_REQUEST = REDIRECT
```

Обманный сервер, симуляция портов. Если взломщик переключится на него, она успеет выцепить его след.

— Есть! — Она резко вскрикнула, когда в ловушке мелькнул запрос от сервера. — Попался...

Теперь можно было пропустить данные, позволить ощутить превосходство, расслабить.

— Лин, он добрался до данных. Я обрываю!

— Подожди!

Она в спешке посылала пакеты на ту сторону, туда, где спрятался хакер и вот-вот должна была получить отклик.

— Лин!

— Я почти поймала его! Поймала!

Но отклик вернулся пустым.

«Что?! Как это может быть?!»

Она отправила еще несколько пакетов, и вдруг связь внезапно прервалась.

— Что случилось?! - произнесла она, все еще удивленная.

Но уже и так было все ясно.

— Данные переданы, взломщик ушел.

— Гребаные баги, — выругалась Лин.

Но что пошло не так? Как взломщик распознал ее?! Как обманул?!

— Лин Эдвардс, от имени администратора системы я отстраняю вас от работы.

— Что-о-о?! Моя смена закончилась дохрениллион часов назад, я вообще не должна была этим заниматься!

— Противдействие протоколу Администраторов системы обязывает меня заблокировать вашу учетную запись до конца расследования. Немедленно покиньте систему.

— У меня остались данные, я найду его!

Администратор молчал, вероятно, размышляя.

Девушка открыла логи, доставая данные из кеша системы.

Это была ее последняя надежда. Она отправила несколько пакетов, они должны были принести хоть какие-то данные.

— Вот! Нашла! — она вычислила идентификатор следа взломщика. — это маскировка, но сейчас я ее вскрою.

— Это пустышка. — Голос администратора был ледяным.

— Я не собираюсь спорить. Просто подожди и сам все увидишь!

След был странным, словно бы она уже видела такой порядок букв и символов. Сейчас, еще немного и все станет ясно. Программа-дешифровщик определит точное местоположение и владельца.

— Вуаля, — произнесла Лин, когда информация высветилась и тут же выругалась.

«Лин Эдвардс, идентификационный номер 32W76-1R28L-1564M-19H7F»

— Это ошибка... — успела произнести она, как все внезапно погасло.

Лин со злостью выдернула штекер из шеи и села в капсуле виртуальности.

— Дерьмо... — выругалась она.

Тусклый свет проникал в комнату через единственное окно — вернее, через узкую полоску стекла, не затянутую слоем вечной пыли. Он скользил по облупившимся стенам, чей прежний цвет давно утратил всякое значение и замирал в

воздухе, делая его густым и неподвижным.

В углу комнаты стояло старое мягкое кресло, доставшееся от прежних жильцов. Когда-то оно, возможно, было удобным, но теперь служило Лин и кроватью, и собеседником, и единственным предметом, который как-то напоминал о чем-то присутствии до нее.

Кресло смотрело на девушку с немым укором — перекошенной спинкой, продавленными подлокотниками, следами времени, от которых невозможно было отвернуться.

— Тебя забыли спросить, — зло прошипела Лин, обращаясь к креслу.

Она протерла глаза и только сейчас заметила, что к рукам по-прежнему подключены контакты. Она с силой выдернула их.

— Сраные хакеры и гребаные админы...

Лин посмотрела на свои худые пальцы, будто видела их впервые.

«Сколько я провела в виртуале? Часов пятнадцать... может, больше».

В реальности мысли текли иначе. Вязко, с усилием. Каждая из них словно цеплялась за тело, за шум крови в ушах, за тяжесть костей. Мозг больше не парил, не скользил по ассоциациям мгновенно, как там. Здесь все требовало времени, пауз, терпения. Даже простая мысль ощущалась тяжелой, будто ее приходилось проталкивать сквозь болото.

Левую ногу резко свело судорогой. Лин дернулась, вытя-

нула ее и уперлась ступней в холодную стенку капсулы. Боль чуть погодя отступила, но оставила после себя раздражающее ощущение хрупкости и уязвимости.

Это тело постоянно что-то требовало: сменить позу, вдохнуть глубже, моргнуть, потянуться. Оно напоминало о себе каждую секунду, словно скучающий ребенок, и постоянно намекало: «тебе меня лучше не игнорировать...».

В виртуале ничего этого не было. Там не существовало онемевших конечностей, тяжести в мышцах, случайных спазмов. Не нужно было думать о том, как сидишь и сколько времени не менял положение. Там все происходило сразу: мысль, действие, результат. Чисто. Быстро. Свободно.

Ей до боли захотелось вернуться туда. В пространство, где не нужно носить это брненное, упрямое тело с собой, словно плохо спроектированную глючной нейронкой оболочку. Где можно парить и...

Живот заурчал. Глухо и настойчиво.

— Надо поесть... — пробормотала Лин, почти с досадой, будто это было еще одним напоминанием о том, что реальность никогда не позволяет забыть о себе надолго.

На кухне она открыла верхний шкафчик. Дверца скрипнула, будто тоже жаловалась на сам факт движения. Но Лин проигнорировала это и вытащила пластиковый контейнер с единственной надписью: СУПЕРФУД. Без марки, без срока годности, без описаний. Просто удобное слово, чтобы заткнуть голод.

Она сорвала крышку. Внутри лежала серо-бурая масса. Не каша, не еда, а компромисс, принявший невнятную форму. Поверхность немного блестела, словно мокрая глина. Запаха почти не было — только слабая химическая нота, чтобы убедить организм, что это «питательно».

«Как всегда аппетитненько», — подумала Лин и криво усмехнулась.

Наверное, поэтому гастро-симуляции в виртуале пользовались таким спросом. В них был и аромат, и текстура, даже горячий сок на языке. Все идеально, до последней иллюзии. Только иллюзия не кормила. Она могла бы заказывать настоящую еду и здесь, только это стоило дорого: производство, доставка, упаковка, логистика. В реальности все имело вес, и порой он оказывался неподъемным.

Раз в месяц Лин оформляла одну и ту же подписку на суперфуд. Самый дешевый вариант из тех, что хотя бы не пытались тебя убить. Это экономило ей прилично токенов, которые можно было потратить в виртуале на более глубокую симуляцию. На возможность хотя бы иногда не чувствовать, как реальность цепляется за кожу.

Лин взяла ложку и начала мерно работать челюстями. Без удовольствия, почти без участия. Просто механика. Неприятная обязанность, которую нужно закрыть, чтобы снова иметь право на свободу.

Суперфуд был отвратителен на вкус, как мокрая бумага, которую кто-то попытался приправить мылом. Иногда мере-

щилась горечь, иногда — привкус металла. И все равно она ела, потому что он давал минимум: белки, клетчатку, витамины. Поддерживающий набор, чтобы тело не развалилось раньше времени, а мозг продолжал функционировать.

Пока она жевала, взгляд блуждал по комнате — по облупившемуся пластику, по тусклой раковине, по пустым полочкам, по трещинам на столешнице — и вдруг застыл именно на ней. На кухонной поверхности, на которой никто не готовил. На месте, которое существовало по привычке, как физическая оболочка мира, где настоящая жизнь давно переехала в цифру.

«Интересно, зачем вообще нужна кухня?» — мысль всплыла сама собой. Тихо, почти лениво. — «Неужели здесь когда-то готовили? По-настоящему?»

Шкафы нависали над короткой столешницей, как древние памятники чужой жизни. Пластик на дверцах местами вздулся, петли устали держать форму. Один из шкафов, будто в ответ на ее взгляд, чуть приоткрылся поскрипывая. Внутри в тени, лежала старая доска для нарезки: древесина покоробилась, потемнела, покрылась сетью мелких трещин. Она выглядела почти неприлично настоящей. Из времени, когда люди еще готовили.

Лин вновь усмехнулась.

«Пережиток», — подумала она.

Не с сожалением, скорее с недоумением. Готовка умерла не потому, что стала невозможной, а потому, что перестала

быть нужной. Как разговоры ради разговоров. Как прогулки без цели. Как все, что требовало участия тела.

Человечество будто бы само, не спеша, без истерики, шаг за шагом отказывалось от себя прежнего. Не падало, а скатывалось по наклонной. Очень аккуратно. И это даже не выглядело трагедией. Скорее законом. Если есть путь проще, быстрее и ярче — он верный. Если можно жить без боли, грязи, очередей, усталости — кто станет добровольно выбирать обратное?

Лин тоже считала это нормой. Эволюцией. Только не вверх, а в сторону: в цифру, в комфорт, в чистоту. Тело становилось приложением, которое просто нужно поддерживать. Оболочка. Биологический сосуд. Мусорный слой между сознанием и бытом.

«Работают, едят, влюбляются, живут — там», — подумала она, не испытывая ни гордости, ни стыда. Просто констатируя факт. — «А здесь... здесь только обслуживание. Технический долг. Биологический мусор, который почему-то все еще требует ложку, сон и эту идиотскую кухню».

Она перевела взгляд с доски обратно на контейнер с суперфудом и снова зачерпнула серую массу. Словно ставила галочку в списке обязательных процедур, чтобы иметь право вернуться туда, где жизнь не пахнет пылью и временем.

Лин попыталась вспомнить, как давно живет здесь и наткнулась на пустоту. Не на провал, не на тревожный обрыв, а ровную, гладкую стену однообразия. Дни не складывались

в цепочку, они стекались в одну и ту же серую массу, как еда в ее руках, как хмарь за окном: без формы, без границ, без отметин, по которым можно было бы сказать: вот тогда было это, а вот тут случилось потом.

В ее жизни почти не осталось точек, за которые можно зацепиться. Никаких праздников, привычек, встреч. Кроме одного-единственного якоря — Викона. Брата. Единственного человека, который все еще казался реальным, даже когда мир вокруг был похож на дешевый фон.

«Неплохо бы ему написать», — мелькнуло в голове. Мгновение. И мысль сорвалась, ушла в другую сторону. Как и всегда.

«Блокировка... будут ли платить за это время? Сколько у меня вообще на счету? Хватит ли на аренду?»

Жизнь в реальности была устроена так, чтобы о ней не думать. Банковский счет привязан к системе. Аренда списывается автоматически. Коммунальные — автоматически. Налоги — автоматически. Даже штрафы — автоматически, если ты достаточно глуп, чтобы попасть в поле зрения алгоритма. Лин никогда не проверяла баланс не потому, что у нее было много денег, а потому что система приучила: если все работает, значит, все в порядке.

Автоматизация считалась величайшим достижением человечества: она снимала с людей необходимость помнить, решать, выбирать. Мир сам тебя обслуживал, пока ты был внутри допустимых параметров.

Но сейчас что-то кольнуло. Тонко, неприятно. Как будто в идеально смазанном механизме вдруг провернулось лишнее зубчатое колесо.

Лин замерла с ложкой в руке, прислушиваясь к этому ощущению.

Не страх. Скорее подозрение, что привычная «безопасность по умолчанию» может в любой момент оказаться просто красивой надписью на экране.

Лин швырнула ложку и недоеденные остатки суперфуда в трубу утиля. В горле еще стоял тот самый безвкусный, пыльный привкус как напоминание, что реальность никогда не дает забыть о себе до конца.

Она подошла к столу и интерфейсу, подключенному к капсуле. Запустила панель ручного ввода. Ручная утилита для тех, кто предпочитал видеть внутренности системы, а не ее витрину.

Монитор замерцал, изображение дернулось и первым делом высветило пыль, прилипшую к стеклу. Лин сначала захотела провести по нему ладонью, но потом отмахнулась от этой мысли. Пальцы, словно давно этого ждавшие, сорвались в бег по клавиатуре. Привычно, быстро, с той уверенной злостью, которая появляется, когда понимаешь, что ты все сделал правильно, но другие это не оценили.

Пусть в виртуале ее учетку и закрыли, реальный интерфейс все равно хранил следы. Здесь фиксировалось каждое подключение, каждый запрос, каждое касание к протоколам.

Как отпечатки на стекле, которые невозможно стереть одним приказом администратора.

Она вытащила из кэша результат дешифровщика и вывела рядом свой идентификатор. Две строки застыли на экране:

«32W76-1R28L-1564M-19H7F»

«32W76-1R28L-1654M-17H7F»

Лин моргнула, потом наклонилась ближе, будто бы пытаюсь проверить собственное зрение.

— Что за глюк? — выдохнула она.

Второй код был практически идентичен: тот же ритм символов, та же структура. Только в конце — пара «сбоев», как будто кто-то переписывал его по памяти и на последних цифрах ошибся.

Это не выглядело как хакерская маскировка. Хакеры не делают «приблизительно». Они либо подменяют полностью, либо не лезут вообще. А здесь было ощущение... попытки воспроизведения. Словно кто-то игрался с ней.

— Гребаные баги... — процедила Лин, — Что за шутки?..

Девушка застыла, пытаясь уложить это в привычную логику.

Идентификатор не был паролем, который можно подобрать. Он был привязан к базе, к биометрии, к чипу, вшитому в тело, к цепочке подтверждений, которые проходили через десятки уровней проверки. Ошибка в таком коде означала бы не «сбой», а катастрофу системы.

Да, бывало, что идентификаторы подделывали. Но под-

делка всегда выглядела иначе. А при дотошной проверке там не сходились параметры. Здесь же все выглядело словно бы кривое эхо.

Она обновила запрос. Потом еще раз.

Ничего не изменилось: ее имя висело в системе под двумя идентификаторами, будто это было нормой.

— Но почему?.. — прошептала Лин. — Это ведь не глюк...

Слова «хак» и «симуляция» всплыли сами собой — привычные объяснения для всего, что ломало порядок. Но ни одно не сюда не подходило. Здесь не было следов внешнего вмешательства. Скорее ощущение, что вмешательство внутреннее. Системное. Законное.

Сердце заколотилось. Не от страха, а от раздражающего, липкого ощущения, что кто-то стоит за ее спиной и наблюдая за ее метаниями, мерзко хихикает.

В сознании сразу всплыло лицо брата. Викон. Конечно. Кто еще?

Он всегда умел обходить правила так, будто они написаны для кого-то другого. Любил подшучивать над протоколами, «случайно» находить лазейки, и даже ее пару раз разыграл так, что она чуть не получила блокировку.

Только сейчас это было не смешно.

Лин на всякий случай обернулась, хотя отлично понимала, что позади нее никого не может никого. Но все же, убедившись, передернула плечами, избавляясь от наваждения.

— Викон... — проговорила она вслух, медленно, с нарастающей злостью. — Ты опять решил меня разыграть?..

Лин развернула панель сообщений.

Последняя отправка три дня назад все еще висела серым: не прочитано. Следующее за четыре дня до этого — такое же.

«Гребаные баги... что происходит?..»

Только сейчас она заметила, что у нее дрожит левая рука. Не сильно. Едва заметно, но достаточно, чтобы это раздражало. Викон не мог так долго игнорировать ее. Он мог пропасть на ночь. На пару дней. Мог отвечать коротко, язвить, уходить от вопросов. Но молчать неделю — нет. Не мог.

В пару шагов она оказалась у капсулы и, почти не глядя, воткнула штекеры в основание шеи и запястья. Тело отозвалось слабым холодком контактов. Она уже ждала знакомого провала в темноту, старта эмуляции и мягкого растворения реальности...но вместо этого перед глазами всплыло сухое уведомление:

«Ваш аккаунт заблокирован. Ожидайте проверки. Вы можете оспорить решение, отправив жалобу».

Лин замерла на секунду, а потом зло выдохнула:

— Сраный закешированный бот...

«Ну ладно», — подумала она, резко отсоединяя один из штекеров. — «Если какой-то дрянной админчик думает, что может меня удержать, он очень ошибается».

Она вернулась к терминалу, и пальцы снова понеслись по

клавишам. Быстро, уверенно, почти с облегчением. Работа. Чистая логика. Здесь все было понятно, в отличие от этих загадок.

«Раз у меня теперь два идентификатора... значит, я воспользуюсь вторым».

Она ввела связку команд, подцепила альтернативный доступ, приняла предупреждения не читая. И нажала ввод.

Потом снова легла в капсулу. Комната поплыла, потемнела, растворяясь, будто кто-то медленно выключал свет. На долю секунды ее обступила тишина. Плотная, как вата. И затем вспыхнули яркие цвета загрузки.

2

«Добро пожаловать домой», — прозвучал в сознании ровный автоматический голос, и Лин словно выдохнула. Она только сейчас осознала, насколько внутренне сжималась из-за того, что находилась в реальности, а не в этой привычной среде.

Она открыла глаза и не узнала, где находится. При подключении система должна переносить в привязанную точку появления — личные виртуальные апартаменты. Но сейчас она оказалась в чужом «доме».

Гостиная была слишком большой и слишком пустой. Потолок из темного стекла отражал неровное освещение, а пол покрывал странный белый материал, напоминающий смесь мрамора и льда. Окна во всю высоту комнаты выходили на виртуальный мегаполис. Там внизу текли потоки света, вывески вспыхивали и гасли, а голографическая реклама царяла горизонт, обещая безграничное удовольствие.

Лин огляделась. Обстановка была минималистичной, но безупречно соответствовала последней моде. Два кресла из тонкого, почти прозрачного пластика, настолько строгие по форме, что больше походили на арт-объекты, чем на мебель. Рядом стоял стол с идеально гладкой чёрной поверхностью и рваными краями, словно материал, стекая вниз, внезапно

замер на середине пути. А в центре комнаты располагался большой диван, развернутый к окнам, будто отделяя жилое пространство от всего остального.

Ни книг, ни беспорядка, ни случайно брошенных вещей, ничего, что могло бы выдать присутствие живого человека. Только статус, заключённый в точную геометрию форм.

Ее взгляд уперся в одну из стен гостиной, которая была сплошным интерфейсом. Без рамок, без логотипов, просто экран. Рядом с ним Лин чувствовала себя так, словно оказалась внутри проекции, и казалось, будто кто-то сейчас включит терминал и будет наблюдать за ее жизнью.

Она не решилась его включить. И вместо этого подошла к окну.

«Наверное, тридцатый этаж», — подумала она, выглядывая наружу.

С высоты открывался приятный вид, к которому она привыкла, сидя на крышах. Неоновые вывески напротив сверкали и переливались, заманивая посетителей громкими слоганами:

«Лучшее наслаждение»

«Мечты здесь»

«Вселенная ждет»

— Район грез, — прошептала она себе под нос.

Лин знала этот район. Один из самых дорогих для жизни. Может быть, именно поэтому она никогда его не любила.

Этот район славился тем, что предлагал своим посетите-

лям любую симуляцию: от полета в космос до прогулки по морскому дну. Здесь можно было заплатить за любое воображаемое воспоминание.

Она терпеть не могла такие вещи. Выдуманные эмоции, выдуманные жизни... все это казалось ей дешевым и фальшивым. Но, насколько она знала, клиентов у них хватало. Хотя стоимость такого развлечения могла доходить почти до цены жилья, из окна которого она и смотрела на зазывающие рекламные вывески.

— Пафосное ублюдство, — проворчала она, отвернувшись.

Взгляд скользнул вниз — и Лин замерла. Ее одежда.

Система всегда подхватывала последние пользовательские настройки, подгружала привычный образ без лишних вопросов. Куртка, штаны, нейтральные цвета. То, что не отвлекает, не цепляет, не привлекает внимания. Все как она любила.

Но сейчас на ней было платье.

Розовое.

Ткань мягко переливалась при движении, подол чуть колыхался, подчеркивая силуэт. Это выглядело слишком вычурно, слишком не ее. Даже в страшном кошмаре она бы не надела что-то подобное. Лин медленно моргнула, словно надеясь, что система догрузит правильную текстуру.

Не догрузила.

— Что за свихнувшийся бот напялил это?.. — прошипела

она сквозь зубы.

И чуть ли не с омерзением стала стягивать с себя эту розовую кляксу, более подходящую какому-нибудь доисторическому детскому утреннику. Все происходящее все больше походило на чей-то розыгрыш. Только не хватало одного элемента — зрителей.

Сердце неприятно кольнуло. Такие вещи не происходили случайно. Образ это маркер. Чей-то выбор. Чье-то вмешательство.

И впервые с момента входа в виртуал Лин ощутила не дискомфорт, а липкое чувство тревоги.

«Чей это идентификатор?!»

Она медленно опустила руки и огляделась. Апартаменты выглядели безупречно пустыми: гладкие поверхности, ровный свет, ни единого отражения, которое не принадлежало бы ей самой. Но ощущение не исчезло. Наоборот — усилилось, словно пространство не наблюдало, а ожидало чего-то.

— Ладно, — тихо сказала она. — Проверим.

Резким жестом Лин вызвала админскую панель. Перед глазами развернулся знакомый интерфейс — серо-синий, лишенный украшений, созданный не для комфорта, а для работы. Она на автомате вбила несколько проверочных команд, как делала это сотни раз.

Панель моргнула.

Столбики цифр выстроились в аккуратные ряды. Поток данных текли ровно, без скачков, без ошибок. Активные

процессы, фоновые симуляции, пользовательские скрипты. Все выглядело... нормально.

«Хммм... апартаменты закрыты от внешнего наблюдения».

Эта мысль немного успокоила, но до конца не было понятно, плохо это или хорошо. Лин прекрасно понимала, что даже в изолированные апартаменты можно подключиться, если знать код доступа. И гребаное платье никак не выходило из головы.

«Ладно, разберемся...»

Она закрыла админку и подошла к высокому шкафу с полупрозрачными дверцами. Он открылся плавно, с почти интимным щелчком. Так открываются вещи, которые ждут, чтобы к ним прикоснулись.

Внутри висели десятки платьев. Слишком много для случайной симуляции. Разные фасоны, эпохи, настроения. От нарочито простых до вызывающе сложных. Некоторые были откровенно чуждые, словно подобранные по вкусу другого человека.

Одно глубокого, темно-зеленого оттенка задержало ее взгляд дольше остальных. Ткань выглядела плотной, почти настоящей, с мягким матовым блеском. В нем не было ни игривости, ни показного желания понравиться. Скорее сдержанность. Контроль.

Рядом висело другое. Серебристое, текучее, будто сотканное из отражений. Оно переливалось при малейшем дви-

жении света, как поверхность воды под луной. Красивое. Слишком красивое.

Лин протянулась к ним почти машинально. Пальцы уже коснулись ткани, когда она резко одернула себя, словно обожглась.

— Чушь какая-то, — вслух сказала она, чтобы разорвать это странное наваждение.

Она хотела что-то привычное. Настоящее. Ее взгляд метнулся к самому углу шкафа, где на одинокой вешалке висел неприметный комплект, словно отделенный от многообразия вариантов и поставленный кем-то в угол за плохое поведение.

Узкие серые джинсы, потрепанная куртка с одним оторванным рукавом и старая рваная футболка с переливающимся цифровым рисунком.

Именно то, что надо. Ее стиль. Именно так она всегда предпочитала одеваться в виртуальности: практично, с ноткой бунтарства.

Лин переделалась, и на душе стало немного легче. Она, наконец, почувствовала себя собой. Или, по крайней мере, тем, что оставалось от нее в этом странном месте.

Застегнув куртку, она провела рукой по ее шершавой ткани и вдохнула глубже. С одеждой все было в порядке. Теперь нужно было понять, где она и что здесь происходит.

Лин вернулась к стене-интерфейсу, но не стала подходить вплотную. Она подняла ладонь и в воздухе, перед самым

лицом, вспыхнул тонкий слой управления: полупрозрачная сетка команд, привязанная к стене, как к удаленному терминалу. По сути, сама стена была лишь экраном, а панель ее ключом. Лин любила такие изящные решения. Она щелкнула пальцами, и глянцевая панель на стене послушно загорелась, отразив в ее сторону слабое голубоватое свечение. Все отлично работало.

Открылась стандартная оболочка: аккуратные вкладки, иконки, привычная логика пользовательского дома. Лин вызвала меню одним коротким жестом и ткнула в нужное:

«Журнал сеансов»

Обычно здесь хранилось все: кто входил, когда входил, какие функции использовал, какие изменения вносились в окружение. Даже если кто-то пытался подчистить следы, оставались метки времени, системные отметки, фоновые события — мелочь, которая выдает даже самую тщательную уборку.

Экран на стене моргнул и оказался совершенно пустым.

Ни дат. Ни отметок. Ни последнего входа. Ни создания объекта. Вообще ничего. Будто этих апартаментов не существовало никогда, а она сейчас смотрела не в историю, а в идеально вычищенную пустоту.

Лин медленно выдохнула.

«Гребаные баги» — выругалась она про себя. Ей очень не нравилось, когда она не понимала, что происходит, и не могла найти этому объяснения.

Лин сделала полшага назад, будто с этого ракурса могла увидеть что-то новое, и углубилась в системные журналы, уже не через домашнюю оболочку, а через административный слой. В воздухе перед ней раскрылись дополнительные окна, одно за другим:

«Журналы системных команд»

«Лог изменений окружения»

«Трассировка подключений»

«Запросы к внешним узлам»

«Изменения интерфейса и профиля»

Везде было совершенно пусто.

Так бывает только после аккуратного, профессионального выжигания. Когда стирают не следы, а сам факт, что следы могли существовать.

Даже стандартные сообщения. Те, что всегда появляются при создании любой жилой симуляции: первичная сборка, присвоение владельца, отметка о привязке к серверу полностью отсутствовали. Словно кто-то выдернул страницу из книги, даже не оставив шва.

Лин нахмурилась. Ее жесты стали резче. Пальцы бегали в воздухе по невидимой клавиатуре, быстрыми короткими движениями, как при вскрытии чужой защиты. Она пробиwała еще глубже. Туда, где хранятся тени логов, резервные метки, системные слепки... то, что обычно забывают удалить даже самые старательные.

И снова ничего.

Девушка замерла, чувствуя, как внутри поднимается не паника, а холодная злость.

— Это невозможно, — пробормотала она себе под нос.

Лин прищурилась. Кто-то явно поработал над тем, чтобы стереть все следы. Но зачем? Чтобы скрыть свое присутствие? От кого? В личные апартаменты невозможно попасть без приглашения. Быть может, все стерто, чтобы что-то спрятать от нее?

Она остановилась на полушаге, уже собираясь отойти от стены-интерфейса, и вдруг поймала себя на раздражающей мысли: она упустила мелочь. Ту самую мелочь, за которую обычно ругают новичков.

В каждом терминале было автоматическое хранилище резервных копий. Не журнал сеансов, глубже. Кэш, теневые логи, запись аварийных состояний. Система могла стереть основную историю, могла выжечь логи до чистого листа, но резервные хвосты часто оставались просто на всякий случай. Для собственной стабильности.

Лин вернулась к стене и подтянула админскую панель — тонкий слой управления вспыхнул перед глазами. Пальцы задвигались быстрее, резче:

```
«FORCE.RESTORE /shadowlog»
```

```
«SOURCE: AUTOCACHE // MODE: AGGRESSIVE»
```

```
«RECOVERY: FRAGMENTED_OK»
```

Она нажала ввод.

Секунду ничего не происходило. Затем глянцевая поверх-

ность стены будто вздрогнула, по ней пробежал слабый статический шум, как рябь по экрану, который пытаются оживить после удара. Интерфейс завис, моргнул и вместо привычных аккуратных строк выдал обломки. Рваные, исковерканные.

«...ID#1020... Сессия завершена... Пользователь неизвестен... Доступ через дополнительный идентификатор...»

Лин застыла.

— Дополнительный идентификатор? — произнесла она вслух.

Строки дрогнули, словно кто-то заметил, что она их увидела. На долю секунды всплыл новый фрагмент, как вспышка в темноте:

«...Обнаружено внешнее вмешательство... Последняя активность: Запись воспоминаний...»

— Запись воспоминаний?.. — Лин вновь повторила. Эта фраза не принадлежала бытовым системам. Ее не ставили рядом с освещением, атмосферой и плейлистом.

Она не успела додумать. Экран погас. Не закрылся. Не свернулся. Просто отключился, будто ему перерезали питание.

— Чтоб тебя... — выдохнула Лин сквозь зубы.

Она активировала свой личный терминал и начала стучать по прозрачной клавиатуре быстрее, чем успевала осознавать команды: поднять интерфейс, вернуть панель, перевести управление на локальный канал, перехватить сессию.

Хоть что-то...

Панель не отвечала.

Лин стиснула зубы и отправила команду на принудительную перезагрузку домашнего узла.

«HOME.NODE / REBOOT // HARD»

Стена мигнула и ожила — на мгновение показалось, что все вернулось в норму.

И в ту же секунду из глубины квартиры донесся щелчок замка.

Лин резко обернулась.

Там, где раньше была ровная стена, чистая поверхность без шва и тени, теперь проступила дверь. Узкая, почти невидимая. И она была приоткрыта. Совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы это невозможно было списать на визуальный баг.

— Похоже... — прошептала она в сторону двери, готовая ко всему, — я нашла зрителей.

Лин медленно подошла к двери, стараясь не шуметь. Пальцы сжались в кулаки, сердце забилось чаще. Она слегка потянула дверь, и та распахнулась полностью, не издав ни единого звука.

Комната за дверью оказалась тесной. Не уютной маленькой. А нарочно сжатой, будто технический отсек, который никто не должен видеть. Воздух здесь казался гуще, и хотя Лин прекрасно знала: воздух в виртуале всего лишь иллюзия, ощущение никак не отпускало.

По периметру безликих матовых стен стояли серверные стойки. Прямые корпуса, ребра охлаждения, каналы питания, ровные ряды индикаторов. Зеленые огни мерцали с одинаковой частотой. А в месте, где обычно в таких комнатах располагается окно, висела неоновая надпись:

«СВОБОДА»

Слово дрожало, слегка мерцая, словно пытаюсь подмигнуть. Оно не выглядело как рекламный плакат, скорее как напоминание.

Но не успела Лин додумать эту мысль, как взгляд уже переключился на центральную консоль. Массивная, угловатая, явно не из домашнего набора. Несколько мониторов, отдельно стоящая клавиатура. Редкость в мире, где все давно управлялось жестами и мыслью. Клавиши выглядели потертыми, будто ими пользовались часто. Но здесь их скорее такими сделали.

Лин подошла ближе, и один из экранов засветился сам. Как будто ждал именно ее.

Текст мигал нервно, срываясь на полстроки и снова собираясь:

«ОШИБКА»

«НЕВОЗМОЖНО ЗАВЕРШИТЬ ЗАПИСЬ ВОСПОМИНАНИЙ»

«ПОПЫТКА ПРЕРВАНА»

Лин замерла.

Слово «Прервано» внушало тревогу.

Она медленно прошлась взглядом по стойкам. По равнодушным зеленым огонькам, будто там могла найтись подсказка: кто именно здесь работал и почему оставил все включенным. Но сервера безмолвствовали, лишь жужжа что-то на своем, только им понятном языке.

Тогда Лин подошла ближе и села перед терминалом. Она провела пальцем по панели управления, пытаясь получить больше информации, но интерфейс оказался заблокирован. Система требовала код доступа.

— Вот же... — Лин недовольно прикусила губу.

Она знала, что взломать такой терминал будет непросто. Тем более что система выглядела самописной, а разобраться в чужом плетении кода затея не самая удачная. Но другого выхода все равно не было. Лин положила руки по обеим сторонам от клавиатуры, готовясь к тому, что ей предстоит, но в тот же момент под руками появилось свечение, и через мгновение панель на краю стола откинулась.

Внутри ниши, освещенной холодным белым светом, лежала небольшая трубочка, больше всего напоминающая флешку. Лин осторожно взяла ее и покрутила в пальцах.

В то же мгновение свет внутри ниши погас и откинувшаяся панелька захлопнулась.

— Похоже на ключ, — прошептала она и усмехнулась, подумав о том, насколько очевидные вещи она озвучивает. Если бы за ней сейчас кто-то наблюдал, то точно решил бы, что она полная дура.

Лин отмахнулась от этой мысли и установила ключ-флешку в небольшое отверстие под терминалом. Тот приветственно засветился.

«Ключ памяти активирован. Инициация процесса восстановления воспоминаний...»

Экран мигнул, и изображение сменилось. Теперь перед ней были обрывки видеозаписей того, что происходило здесь.

На экране была она.

Записи были короткие, словно собранные кем-то в нарезку. Вот Лин держала перед собой пару платьев, выбирая, какое надеть. Затем стояла перед огромным экраном, с кем-то разговаривая. Звука не было. Но она была спокойной и сосредоточенной. Вот она, точно так же, как сейчас, сидит за терминалом и что-то печатает. Вдруг резко поворачивает голову в сторону, словно ее кто-то позвал, тянется за ключом-флешкой и в тот же момент запись обрывается.

Лин почувствовала, как холодок пробежал по ее спине. Буквально на долю секунды она увидела в кадре Викона. И это было странно. Она ничего из этого не помнила.

— Гребаные баги, — ругнулась девушка почти машинально.

Ее мозг перебирал варианты.

«Кто-то воспроизвел мой аватар? Но копии аватаров запрещены, да и зачем это кому-то делать?! Но даже если так, тогда почему не скопировали заодно и идентификатор?»

Можно было бы украсть данные, выдать себя за меня, да много чего еще... но нет, воссоздали лишь внешний образ».

«А что насчет взлома? Может быть, идентификатор не был поддельный? Может быть, система его точно определила? Или все было задумано, чтобы выкрасть какие-то данные, но зачем для этого было прикидываться мной? И не просто прикидываться, а делать это как-то несуразно, с ошибками в идентификаторе?».

Вопросов было много. Но в любом случае сейчас она не смогла бы дотянуться до первого идентификатора и выяснить, какие именно данные украли. Поэтому оставалось только следовать первоначальному плану — найти брата, и вместе во всем разобраться.

Лин попробовала оживить терминал. Экран дважды моргнул и вновь потух. словно он уже показал все, что следовало знать, и со спокойной совестью ушел на покой.

Смирившись, она вытащила ключ-флешку и положила ее в карман.

«Что бы это ни было, оно может еще пригодиться...» — подумалось ей.

Она повернулась и, выйдя в основной зал, огляделась. Какие бы здесь загадки еще ни оставались, пора было двигаться дальше. Лин направилась к двери, но внезапно остановилась в паре шагов и, развернувшись, вернулась к терминалу апартаментов.

Сейчас он вновь работал как ни в чем не бывало. Она про-

мотала пальцем вниз до пункта «Транспорт» и, улыбнувшись увиденному, покинула эти странные апартаменты.

Гараж, расположенный в подвале здания, был довольно вместительным. Спустившись, она почти сразу определила, что искала. И дело было не в том, что она видела, как он должен выглядеть. Этот мотоцикл подходил ей так же, как потерянная часть пазла, завалившегося за диван и давно ждавшая момента быть найденной, чтобы встать на свое положенное место.

Корпус этого зверя в виртуальной оболочке переливался черно-синим хромом. Не глянец витрин, а плотным ночным цветом, в котором иногда проступают молнии. По бокам шли длинные световые прожилки: они не просто светились. Они дышали, пульсировали, будто байк подстраивался под ее ритм, ловил его и повторял. При каждом ее шаге линии чуть усиливались, оставляя в воздухе тончайший шлейф энергии, который не рассыпался сразу, а растворялся медленно, как дым после выстрела.

Колеса были странные. Без привычной резины, гладкие, зеркальные. На первый взгляд казалось: на таком не удержаться, сорвет на первом повороте. Но стоило присмотреться и их поверхность оживала: тысячи микровыступов, почти невидимых, шевелились, перестраивались, выбирали форму прямо на глазах. Это была не шина. Это был механизм сцепления, который заранее знал, какая под ним будет дорога: стекло, песок, металл или бетон. И не задавая вопросов, про-

сто подстраивался.

В этом мотоцикле не было лишних деталей. Каждая грань, как идеальная строка кода, в которой продумано все до мелочей. Ни одного лишнего символа: сухо, точно, только по делу. Агрессия в посадке, в угле рулевых, в низком центре тяжести. Элегантность в чистоте линий. В том, как корпус собран, напоминая скорость самой своей геометрией.

Лин поймала себя на коротком, почти детском удовольствии. Будто на секунду все загадки вдруг перестали на нее давить.

— Восторг... — сказала она вслух, и голос прозвучал глухо, будто ей самой не верилось, что она может произнести это слово.

Она подошла ближе.

И байк чуть подсветил свои линии ярче, словно признавая и приветствуя хозяйку.

Выше руля расположились две полупрозрачные голографические панели, выводящие важную информацию: состояние байка, скорость, направление движения и даже энергетический резерв, который можно было использовать для рывка.

Девушка склонилась над панелью управления, и на дисплее высветилось приветствие:

«Привет, Лин. Покатаемся?»

— Спрашиваешь... — тут же ответила она, даже не удивляясь узнаванию.

Она перекинула ногу, садясь на мотоцикл, и активировала систему запуска. Мягкий гул перешел в уверенный рев, а световые линии засияли агрессивнее.

Лин быстро нашла меню навигации и коснулась вкладки «История маршрутов». Экран мягко замерцал, и индикатор загрузки начал вращаться. Лин немного подождала, неотрывно всматриваясь в курсор загрузки.

— Ну, давай... — пробормотала она себе под нос, едва слышно.

Спустя пару секунд интерфейс замер, и на экране высветилось: «Нет данных».

«Что и следовало ожидать...» — Лин скривила губы в циничной усмешке. Весь журнал был очищен до последнего байта.

Она переключилась на раздел системных уведомлений, надеясь найти хоть что-то: ошибки подключения, предупреждения об обновлениях, любые следы активности. Но и здесь все было стерильно. Система выглядела так, словно байк никогда не покидал гараж.

Лин задумчиво провела пальцем по светящемуся экрану. «Чистая работа. Кто-то точно не хотел, чтобы его нашли».

Но теперь ее смущало то, что она увидела в апартаментах. Это походило одновременно и на небрежность, и на подсказку, но Лин пока не знала, как это воспринимать, и чем это могло бы ей помочь.

«Ладно... разберемся...»

Плавню потянув газ, она выехала из гаража через автоматически открывшуюся дверь. Город встретил ее шумом и разрядом неоновых огней. Вывески, проекции и голографические образы мерцали и переливались в воздухе, приглашая посетить магазины, клубы и эмуляции. Может быть, в другой момент она бы прогулялась по этому кварталу. Только ради любопытства. Не более. Но не сейчас.

Можно было бы вбить место назначения и дальше просто наслаждаться дорогой, но ей хотелось самой ощущать мощь байка и распоряжаться своей свободой.

Лин резко выкрутила ручку газа, и байк, издав глухое рычание, словно дикий зверь, сорвался с места. Поток виртуального ветра хлестали ее лицо, развевая волосы, а неоновые огни города стремительно превращались в размытую линию света.

Она уверенно лавировала между транспортными потоками, обгоняя мчавшиеся машины. Их фары мигали, а водители злились и сигналили ей вслед, но это лишь подогревало азарт.

Каждый вираж, каждый резкий поворот давали острое ощущение свободы, будто она рассекает границы реальности. Вибрация от байка передавалась через руль и обжигала ладони приятным ощущением контроля. В голове звучала музыка. Не реальная, а воображаемая, с ритмом, совпадающим с каждым взревом мотора. А на крутых поворотах ее

сердце колотилось так сильно, что она даже забывала о виртуальности, в которой находилась.

Лин наслаждалась этим моментом. Скоростью, хаосом неоновом города и ощущением полной раскованности.

С обеих сторон дороги высились небоскребы из светящегося стекла и металла. Их фасады мерцали рекламными проекциями и яркими графическими панелями. Голограммы танцующих девушек с искусственными улыбками, приглашающих пользователей оторваться от близости реальности. Надписи вроде: «Удовольствия нового поколения», «Воспоминания лучше настоящего» и «Твоя новая личность ждет тебя» мелькали в воздухе словно заманчивые лозунги.

Летающие рекламные дроны кружили над дорогой, выплескивая волны разноцветного тумана и облаков. Внутри которых мелькали вспышки света, из которых рождались голографические бабочки, порхающие над дорогой. Лин промчалась сквозь одно из них, и на мгновение ей показалось, что она чувствует аромат синтетических цветов и легкой эйфории.

Слева проплывали клубы, окруженные очередями аватаров. Над входами висели огромные голограммы в виде немигающих глаз или пульсирующих сердец. Виртуальные бармены, напоминающие многоруких чудовищ, приветствовали посетителей, а глухой бит клубной музыки отдавался ритмичным эхом вокруг.

Когда Лин приблизилась к южной части района Грез, го-

род будто погрузился в полумрак.

Меньше света, меньше движения. Улицы здесь были похожи на миражи, тонкие, зыбкие, будто нарисованные акварелью. Даже неоновые вывески казались холоднее, будто теряли часть своей яркости. Некоторые дома вообще напоминали цифровые тени. Как будто их могли стереть из мира по первой прихоти, и они, чувствуя это, старались не привлекать к себе лишнего внимания.

В какой-то момент Лин свернула на боковую улицу, которая резко контрастировала с сиянием главного проспекта. Здания здесь были низкими, будто придавленные тяжестью заброшенных воспоминаний. Витрины магазинов казались пустыми, их окна покрытые тонкой пленкой кибернетической пыли: результатом системных ошибок, которые было некому исправить. Вдоль стен шевелились тени уличных бродяг, чья личность, видимо, давно уже распалась на фрагменты.

Граффити покрывали все свободные поверхности. Одни были философскими: «Реальность — иллюзия, а код не лжет». Другие несли угрозы: «Свобода не дается легко». Лин видела такие надписи не впервые. Падшие. Они были теми, кто потерял грань между реальным миром и виртуальностью, кто так долго жил в цифровой реальности, что начал сливаться с ее кодом.

Лин не любила этих «существ». Они одновременно вызывали жалость и отвращение. Молчаливые тени, что пророс-

ли в ткань виртуального мира, неспособные с ним взаимодействовать, но в то же время ставшие его частью.

Ее передернуло от этих мыслей. Она добавила газу и выкатилась на перекресток. Впереди показался дом Викона. Его темный силуэт возвышался над остальными зданиями, как замок на утесе. Лин сбросила скорость и остановилась перед массивными металлическими дверьми.

Пульс вновь участился.

«Как многое здесь изменилось...» — успела подумать она, вспоминая, когда в последний раз была у брата. Но, так и не вспомнив, подошла к терминалу вызова.

На нем светилась ошибка: «Загрузка данных прервана. Перезагрузите систему». Лин оглянулась убедиться, что вокруг никого нет и вызвала личный терминал.

Все ее инструменты для работы были привязаны к другому идентификатору, так что пришлось пользоваться только знаниями.

Код доступа она пробила довольно быстро, ввела несколько дополнительных команд и принудительно перезагрузила систему.

Ошибка повторилась: «Загрузка данных прервана. Перезагрузите систему».

«Гребаные баги» — выругалась девушка и решила исключить лишний элемент из ее интимного диалога с дверью. Пальцы вновь замелькали над клавиатурой.

Экран мигнул, система попыталась выдать предупрежде-

ние, но Лин быстро ввела несколько команд. На экране начали мелькать строки кода, стремительно прокручиваясь вниз, будто пытаясь упасть в бездну. Экран вновь моргнул, и двери с тихим шипением разъехались в стороны.

— Идеально, — пробормотала она, надеясь, что админы не успевают реагировать на каждую возникающую ошибку в системе и что она была достаточно быстрой.

За дверными створками открылся длинный коридор, освещенный тусклым светом, который казался холодным и безжизненным.

Войдя внутрь, Лин ощущала, как с каждой секундой напряжение в ее теле нарастает. Викон всегда был одержим безопасностью, и, скорее всего, уже знал о ее присутствии. По крайней мере ей хотелось бы, чтобы он был дома и знал.

Она нашла проход на лестницу в дальнем конце коридора. Старая система лифтов была опасной. Они могли зависнуть в любой момент. Лестница же, пускай и виртуальная, была надежнее.

Эхо шагов гулко отражалось от стен, но это был единственный звук, который ее сопровождал.

Лин считала этажи про себя. Пятый. Десятый. Пятнадцатый. На двадцатом она остановилась.

Впереди ее ждал еще один полутемный коридор. Свет то появлялся, то пропадал. Это не то чтобы пугало, но создавало неудобство, потому что она не помнила точного расположения апартаментов, а нестабильное освещение только раз-

дражало.

Лин злилась. То ли на брата, который не соизволил ей ответить, то ли на себя, потому что редко вспоминала о брате. Но злость придала решимости. Она шла все быстрее и быстрее, пока не уперлась рукой в терминал одной из дверей. Он был меньше других, но при этом выглядел намного более продвинутым.

Свет моргнул, и девушка успела рассмотреть V, нацарапанную сбоку.

«Нашла» — с облегчением подумала она и нажала кнопку вызова. Но спустя минуту никто так и не ответил. Она попробовала еще и, для пущего эффекта, постучала кулаком в дверь.

Толку от этого было чуть, но зато позволило ей выпустить пар.

— Проклятие, Викон, — со злостью произнесла Лин, — если ты там, я тебе всыплю только за то, что мне пришлось вскрывать все эти игрушки!

Она вновь вызвала личный терминал, проверила запросы, историю, ввела несколько команд и поняла, что терминал не только считывает идентификатор, но и сравнивает его соответствие с аватаром. Это был тупик.

Лин на всякий случай ввела еще несколько команд, но все было бесполезно. Терминал не посчитал нужным даже отвечать. Было похоже, что Викон сам приложил руку к его прошивке.

— Где же ты?! — произнесла она в отчаянии.

Но все эти мольбы не помогали. Она глубоко вдохнула и начала думать. Будь у нее под рукой полный доступ к админке, еще были бы шансы вскрыть это, но сейчас она и так незаконно находилась в сети, поэтому обращаться к «своим» тоже не стоило.

Выйти из системы и попытаться подделать идентификатор брата. Можно было бы рискнуть, но была велика вероятность того, что ей выжжет мозг только за одну такую попытку. Викон был помешан на безопасности, и уж такой ход точно предусмотрел.

«Что еще?! Что еще?! Должно быть что-то!» — Лин перебирала варианты и один за другим отбрасывала их как несостоятельные. Но, в конце концов, сдалась.

Она ощущала, как усталость мягко обволакивает ее своими цепкими лапами. Не аватара, а физическую оболочку. Слишком много событий и отсутствие сна давали о себе знать.

Но сдаваться не хотелось. Она никогда и ничего не бросала на полпути.

Лин хмыкнула от внезапной абсурдной мысли и, подойдя к терминалу, произнесла:

— Лин Эдвардс.

Терминал загорелся, обшарил ее своим виртуальным взглядом. Замок тихо щелкнул и дверь распахнулась.

Она глубоко вдохнула и вошла внутрь, прежде чем успела

даже удивиться.

Апартаменты Викона были его безмолвным олицетворением. Это было пространство, где даже тени подрагивали от напряжения. Гладкие стены, словно полированный базальт казались неподвижными, но при ближайшем взгляде по ним пробегали тонкие, почти невидимые линии кода. Они пульсировали в такт защитным протоколам, которые никогда не спали. Этот узор был дыханием системы, которая предупреждала о возможной угрозе задолго до ее появления.

Внезапно линии на стенах вспыхнули алым, и противный, скрежещущий голос пронзил пространство:

«Вторжение! Несанкционированное вторжение! Вторжение!»

Сигнал пронизывал мозг, давил на волю, как будто сам воздух сжимался в комок паники. Лин зажала уши и уже было кинулась к двери, когда заметила: в коридоре кто-то стоит. Из-за плохого освещения фигура по ту сторону двери скрывалась в полумраке.

Под гнетом сирены и собственного страха Лин никак не могла разглядеть его лица. Лишь заметила неестественно высокий рост и белую, почти снежную кожу. И в тот же момент свет моргнул, и этого оказалось достаточно, чтобы понять, кто перед ней.

3

Лин застыла. Он что-то говорил ровным, глухим тоном, как будто не для нее, а для самой системы. Но слова тонули в какофонии сигналов. Спустя еще мгновение дверь захлопнулась, и тревога мгновенно оборвалась, оставив в ушах звон и тишину. Лин не сразу поняла, что все закончилось. Она еще несколько секунд стояла, ожидая продолжения. Но его не было.

И только тогда она выдохнула.

— ...За мной идет Хранитель, — произнесла она вслух, сама не заметив этого.

«Если он успел просканировать мой аватар, то мог выяснить, что у меня их два, и второй заблокирован...».

Она замерла, ожидая, что этот аккаунт тоже отключат от системы, а она откроет глаза в своей квартирке, ничего не понимая. Но секунды шли, а ничего не происходило. В сознании мелькнула мысль: «Может, пронесло?..». Надеяться на это особо не приходилось, но, как минимум, пока у нее была возможность продолжить поиски брата. Лин с усилием заставила себя отвернуться от двери и не думать об этом.

С тех пор как она была здесь в последний раз, все изменилось кардинально.

В центре стоял массивный компьютер с шестью экранами,

подключенный к двум серверам у стены. А от них провода тянулись дальше. К белоснежной капсуле с темным матовым стеклом, встроенной в пол и напоминающей гигантскую застывшую слезу.

На первый взгляд, капсула выглядела словно монументальный алтарь. Но стоило подойти ближе, и эта иллюзия быстро исчезала. Линии света на его поверхности складывались в узоры, которые невозможно было осознать сразу. Слишком сложные, слишком запутанные, будто созданные самой виртуальностью. А Викон просто вытянул их из глубин цифровой реальности и заставил принять такую оболочку.

Узор пересекали мелкие трещины, но они говорили не о хрупкости, скорее это были шрамы. Словно бы кто-то пытался пробить саркофаг снаружи и вытащить все то, что было спрятано в нем.

— Гребаные баги, — прошептала Лин, боясь осквернить это место голосом, и с трудом оторвала взгляд от капсулы.

Если мрачную половину апартаментов занимал этот монстр, полный собственных тайн, то вторая — светлая, была занята зоной отдыха и выглядела вполне привлекательно и невинно. Особенно для того, кто не спал много часов и совсем недавно собирался это сделать.

Одинокое кресло с высокой спинкой, обтянутое гладкой серой кожей, намекало: присядь на меня и вздремни пару часов. А небольшой стеклянный столик рядом и напольный

светильник, что сейчас испускал мягкий свет, словно специально создавали притягательный уют этого уголка. Казалось, воздух в том месте был недвижим, а сама зона отдыха будто переносила тебя в совершенно иную плоскость бытия.

Лин с трудом оторвала свой взгляд от кресла и, облизнув губы, взглянула на мониторы компьютера.

Экраны мерцали холодным синим светом, в котором отражались уставшие глаза девушки. А на рабочем столе истерично мигали иконки сообщений, в том числе и парочка ее. Они выглядели очень одиноко посреди огромного пространства нескольких экранов.

Девушка поймала себя на мысли, что ей хочется подойти и прекратить их агонию, но она остановила этот порыв. Викон никогда не подпускал ее к своему детищу, его сокровищу. И сейчас, когда его не было рядом, ей казалось, что это будет обманом, если она протянет руки к этому запретному плоду.

— И где мне тебя теперь искать?! — проговорила она вслух, подавшись соблазну кресла и окунувшись без спроса в его обманчивый комфорт.

«Пойти поискать в реальности и всыпать пару раз за то, что вынуждает ее носиться за ним?!» — она даже улыбнулась от этой мысли.

Лин не помнила, где он жил в последний раз, а уж думать о том, куда он мог переехать, было просто смешно.

«Да и зачем? Он шатается где-то по виртуальности, другого варианта и быть не может. Вопрос только где? Викон не

был любителем долгих прогулок. Может, просто стоило подождать и рано или поздно он сам явится сюда?!»

Откинувшись в кресле, она размышляла, а взгляд продолжал блуждать по комнате и придирчиво изучать столик рядом. Он был простым, почти аскетичным, из темного стекла поглощающего свет. Однако на его поверхности было три предмета, совершенно неподходящих друг другу:

Цветы. Бокал с коричневой жидкостью и черными кубиками, подозрительно застрявшими на полпути ко дну стакана. И статуэтка хомяка в кожаной куртке.

Последнее выглядело особенно странно. Ее брат не был любителем животных, даже цифровых. И уж точно не любителем странных статуэток.

Она изучала все эти предметы, не прикасаясь к ним, пока в голове не разорвалась новая мысль:

«Зато он был любителем загадок и зашифрованных сообщений».

Лин даже приподнялась в кресле. Сознание заработало быстрее. Сейчас она уже совершенно другими глазами рассматривала этот натюрморт, еще недавно казавшийся ей настолько сюрреалистичным.

Стоило признать: первый раунд ей не дался. Попытка найти в самих предметах какие-то подсказки была совершенно бесполезна. Она не всегда понимала брата, даже когда он загадывал эти загадки вживую, с контекстом. А та масса вариантов, что могла сейчас прийти в ее слегка сонную и устав-

шую голову, просто поражала воображение.

Лин выдохнула, сдавшись, и провела рукой над столиком, ощущая едва уловимое напряжение, словно поверхность сопротивлялась ее присутствию. Тогда она еще раз стала рассматривать каждый предмет, изучая все детали.

Цветы выглядели свежими, но их лепестки были тонкими, почти металлическими, с холодным отблеском, будто напыленным никелем. По кромке тянулись микроскопические бороздки, напоминающие дорожки печатной платы, а внутри лепестков лениво мерцало бледное свечение. Она попыталась уловить аромат, но тут же отстранилась, ощутив странную смесь горечи.

Жидкость в бокале светилась изнутри тусклым неравномерным янтарным светом. А черные матовые кубики, напоминающие базальт, будто вырванные из какой-то иной реальности, застыли между взвешенным покоем и полным падением, словно их поставили на паузу.

Хомяк в кожаной куртке, самый нелепый предмет на столе, стоял с вызывающе задранной мордой и лапками, упертыми в бока. Детализированность этой фигурки поражала. Потертые швы, миниатюрные заклепки и бархатистые уши, стоящие торчком. Он казался одновременно комичным и злоеющим, словно был хранителем всего этого странного алтаря.

Она все еще боялась прикоснуться к предметам, словно опасаясь нарушить их положение, которое тоже могло дать ей какую-то подсказку.

— Ну, Викон, что ты здесь затеял? — пробормотала она вызывая свою консоль.

Голографическое меню вспыхнуло перед ней. Пальцы уверенно пробежались по интерфейсу, сканируя каждый предмет. Все они содержали зашифрованные данные. Никаких записей или обычных файлов — только скрытые командные сигналы, которые требовали правильной активации или запроса.

— Значит, загадка где-то внутри... — пробормотала она негромко и, потянувшись рукой, начала двигать предметы.

Лин начала с цветов. Ну просто потому, что они чем-то ее привлекали. Может быть, потому что ваза стояла слишком ровно, слишком правильно, будто ее выравнивали по сетке координат. Или потому, что она уже сто лет не видела цветов.

Она обхватила вазу ладонью и чуть сдвинула букет влево, ожидая привычного отклика виртуальности: легкого щелчка интерфейса, подсветки, всплывающего меню...

Ничего.

Лепестки даже не дрогнули. Металлический отлив остался таким же холодным, будто эти цветы не были собственным объектом, а являлись всего лишь частью декорации, прикрученной к стеблям намертво. Лин наклонилась ближе, провела пальцем по кромке одного лепестка и кожей ощутила маленький электрический разряд, и все. Никакой тактильной отдачи. Никакого живого сопротивления. Только пустая, идеально симулированная поверхность.

Она попробовала иначе: повернула вазу на несколько градусов, намеренно нарушив симметрию и получив удовлетворение оттого, что внесла немного хаоса в пространство, где все кричало о контроле. Но цветы никак не отреагировали на варварский поступок. Даже то, что напоминало гель внутри, не сдвинулось ни на миллиметр.

— Ладно, — прошептала она себе, — значит, не ты.

Лин выдохнула и перешла к бокалу.

Он был тяжелее, чем казался. Словно это был не бокал с напитком, а тяжеленная гиря с миллионом терабайт данных. Она подняла его, и янтарная жидкость внутри заколыхалась, вспыхнула теплым светом. Черные кубики в толще напитка по-прежнему висели. Но когда она наклонила бокал, они дрогнули, будто собирались упасть, но, опомнившись, снова остановились ровно на той же высоте. Сама жидкость немного подрагивала, пытаясь определиться, что ей делать.

Еще немного покрутив его, девушка поставила бокал на стол. Ровно на то же место. И, чуть засомневавшись, повернула на миллиметр. Еще раз оценив расположение и, кивнув сама себе, перешла к следующему предмету. Хомяку.

Он стоял рядом с бокалом. Идеально неподвижный. Лин долго рассматривала его, думая с какой стороны к нему подступить. Его кожаная куртка с миниатюрными заклепками выглядела слишком детально для бездушной безделушки. Он как будто наблюдал за ней. Не глазами, но позой. Своими лапками, упертыми в бока.

Лин протянула палец и легонько щелкнула статуэтку по уху.

Ничего.

Она толкнула ее вбок. Совсем чуть-чуть, чтобы проверить инерцию. Статуэтка сдвинулась на пару миллиметров и остановилась так, будто уперлась в невидимую грань. Лин нахмурилась и попыталась подвинуть сильнее. Хомяк послушно поехал по стеклянной поверхности, но ощущение было странным. Каким-то неправильным. Она физически ощущала, как статуэтка не хочет покидать свое место.

Еще немного поборовшись с этим чувством, она вернула статуэтку на место. И вдруг поймала себя на том, что делает это аккуратно, стараясь поставить ее именно туда, где та была.

Лин вновь посмотрела на эту композицию, затем взяла цветы, покрутила, вернула обратно, потом снова сдвинула, уже раздраженно, вновь нарочно ломая порядок.

Затем схватила бокал и подвинула его ближе к хомяку. Потом дальше. Туда-сюда. Она уже не пыталась найти решение, просто перебирая все подряд, желая получить хоть какой-то намек, какой-то отклик.

Стол молчал.

Никакой подсказки. Ни вспышки меню. Ни скрытого пинга, который обычно выдает активный объект. Только ровный свет и тот самый, стерильный, почти провоцирующий покой.

Лин остановилась. Застыла с ладонями над столом, будто

держала невидимую рамку. Взглянула на натюрморт: цветы, бокал, хомяка и вдруг почувствовала, будто в этой тишине что-то шепчет: «Ну. Догадайся. Ты же умная».

Она снова переставила цветы. Ничего. Повернула бокал. Янтарь внутри запульсировал — и снова затих. Сдвинула хомяка. Ничего. Только его укоризненный взгляд стал ощущаться почти физически.

У нее дернулся уголок губ. На секунду ей захотелось просто сбросить все это со стола. Разбить, разнести, заставить систему хоть как-то отреагировать.

Вместо этого она глубоко вдохнула и произнесла:

— Давай, Викон... хватит своих загадок, — упоминание брата, казалось, помогло. Злость, до этого разошедшаяся внутри, сжалась в тугий комок.

И в этот момент сбоку раздался какой-то звук, Лин резко обернулась и рукой сбила статуэтку, увидев, как на экране высветилось новое сообщение.

— Гребаные баги, — прорычала она.

И подняв статуэтку с пола, постаралась установить ее в изначальное положение. Она убрала руки, вновь присмотрелась, немного повернула статуэтку и в тот же момент жидкость в бокале ярко вспыхнула, цветы зашевелились, тонкие лепестки начали раскрываться, а кубики внутри стакана, словно обретя гравитацию, разом упали на дно с оглушительным грохотом.

Статуэтка хомяка ожила. Его глаза вспыхнули желтым

светом:

— ...после чего мы... — сказал он одновременно писклявым и слегка раздраженным голосом, но внезапно замолчал, оборвав фразу на полуслове.

Затем внимательно посмотрел на Лин и прищурился так недовольно, что она даже отодвинулась.

— Ты кто? — произнес хомяк.

Она моргнула, пытаясь осознать происходящее.

— Лин, — ответила девушка, все еще озадаченная.

Неловкое молчание продолжалось некоторое время, затем хомяк перевел взгляд на компьютер позади девушки и спросил:

— И давно он так?

— Что? — ответила она, не понимая, что от нее хочет ожившая статуя.

Но хомяк уже не обращал на нее внимания, его глаза вспыхнули, и он метнулся к компьютеру так быстро, что Лин еле уследила за ним.

— Стой! Ты кто и что ты вообще тут делаешь?!

— Я что тут делаю?! Ты мне скажи, что я тут делаю! Это ты меня сюда принесла!

— Я?! — Лин искренне изумилась.

Мало того что существо без спроса залезло в кресло Викона, так еще и умудряется обвинять ее в чем-то. При этом хомяк потрогал громадную для его лапок клавиатуру, поморщился и щелкнул маленькими коготками. Перед ним тут

же появился виртуальный вариант, по которому забегали его маленькие лапки. А на экране мониторов стали открываться и сворачиваться сообщения.

— Да что ты делаешь?! Это комп брата! — не выдержала она.

— Я сразу понял, что ты девушка не очень сообразительная, поэтому сам пытаюсь разобраться, где я и что происходит...

Весь этот монолог наконец-то вывел Лин из ступора. Она подошла к компьютеру и одной кнопкой все отключила.

Хомяк поднял на нее свои глаза-бусинки, некоторое время внимательно смотрел, а затем еще раз показательно щелкнул коготками, и его виртуальная клавиатура пропала. Он молча плюхнулся в кресло, не сводя с нее взгляда.

— Ну...? — не выдержал хомяк.

— Что «ну»? - переспросила Лин. Он по-прежнему бесил, и ей не хотелось ни в чем ему уступать.

— Где я? И зачем ты сюда меня притащила?

— Во-первых, я никуда тебя не тащила! Это апартаменты брата, и я тебя тут нашла! Во-вторых, я понятия не имею, зачем ты тут, и надеялась, что ты мне это объяснишь!

— И кто такой твой этот брат, что из-за него столько шума? И где он вообще?! Может, он мне объяснит, что я тут делаю?!

— Мой брат, он...он...почему я вообще должна тебе отчитываться?!

— Похищение, блокировка и задержания против воли любого объекта виртуальной системы считается нарушением и может быть расценено администраторами как тяжкое нарушение, — изрек хомяк.

— А ты администратор, что ли? — с сомнением уточнила Лин, — что это вообще за аватар такой?!

— Это ты аватар! А я гениальная разработка! Прототип идентификационного поиска! Или упрощенно — Пип!

— Первый раз слышу о таком!

— Ничего удивительного! Когда я перестану быть прототипом и стану, например, Кипом — классическим идентификационным поисковиком или, допустим, Сипом — специальным идентификационным поисковиком или...

— Да хватит! — не выдержала девушка.

— В общем, надеюсь, они там меня спросят, когда решат создать много таких, как я, — ничуть не смутился Пип, — так что с твоим братом?!

— То есть ты поисковый ИИ? — на всякий случай уточнила Лин, игнорируя вопрос.

Разговор с этим маленьким существом не на шутку утомлял.

— Именно! Позвольте представиться официально. Гениальная разработка, суперсистема искусственного интеллекта, поисковый хомяк Пип!

— То есть ты можешь что угодно найти?

— Файлы, папки, места, людей, вещи, информацию, если

это существует — я это найду!

И Лин на секунду замешкавшись, выдала:

— Мне нужно, чтобы ты нашел моего брата!

— Итак, пройдя путь от зарождения вселенной до ее упадка, мы вновь вернулись к главному вопросу, с которого началось наше знакомство, а именно с поиска, чем я и занимался, пока ты не выключила тот источник информации, который приносил хоть какую-то пользу. Так что, если ты удовлетворена моими ответами, будь любезна включить компьютер, чтобы я продолжил.

— Ты уже начал его искать? — с сомнением переспросила Лин.

После стольких часов в виртуальности она уже соображала с таким трудом, будто между нейронами в мозгу проложили толстые слои ваты.

— С первого же момента, увидев на твоём лице удивление и поняв, что как источник информации, ты так себе...

Лин хотела было разозлиться, но затем, подумав, просто махнула рукой.

— Ладно... — произнесла она и, нажав кнопку на компьютере, еще некоторое время в молчании понаблюдала за Пипом.

Он вновь достал свою микроклавиатуру и что-то быстро запечатал, на экране вновь замелькали окна, но Лин не успевала что-то разобрать. Весь этот процесс очень ее усыплял.

Она подошла к креслу и, вновь опустившись в него, при-

крыла глаза. Буквально на минутку.

Когда она проснулась, в апартаментах уже никого не было. А компьютер, за которым был хомяк, оказался намертво заблокирован.

Лин попыталась его разблокировать. Но проведя за этим кучу времени, проклиная хомяка, всех его создателей и всех тех, кто их породил, сдалась. Все это не помогало. Если там и была полезная информация, то теперь к ней совершенно не было доступа. Мотобайк тоже исчез. Хотя Лин подозревала, что он просто вернулся на прежнее место из-за длительного бездействия.

Она могла бы выйти из виртуала и вновь загрузиться в апартаменты, но ей казалось, что сейчас это абсолютно бесполезно. Все подсказки, которые там были, она уже получила.

Девушка нащупала в кармане ключ-флешку и прокрутила ее в пальцах.

Множество вопросов оставались без решения, и ее это тяготило. Глубоко внутри она чувствовала, что обязательно должна во всем разобраться. Но для этого надо было подумать, что делать дальше. Оттого она просто брела без особой цели, надеясь, что виртуальность пробудит в ней какую-то идею.

Квартал Игровой Арены, где сейчас оказалась Лин, был устроен так, будто кто-то взял все человеческие желания, перемолол их в один пестрый фарш и разом вывалил на

несколько десятков квадратных километров виртуального пространства. Здесь не существовало квартала в привычном смысле. Его рвали на части гигантские экраны с трансляциями и турнирными таблицами, арки проходов, спортивные поля и нависающие над головой авто и мототрассы. А небо, если его удавалось уловить за всем этим нагромождением, было усеяно роем дронов, снимавших каждый успех или поражение участников этих игр.

Каждый проход здесь был криком, и все вместе они превращались в гомон совершенно разных голосов. Одни пульсировали кроваво-красным и предлагали «ЧЕСТНУЮ СМЕРТЬ В ЧЕСТНОМ БОЮ». Другие выглядели почти невинно, заполняя свое пространство пастельными тонами, мягкой музыкой и надписями вроде «Идеальная семья за 40 минут» или «Почувствуй себя ребенком».

Из одного прохода доносился гул моторов и визг шин. Там начиналась бесконечная гонка, где твой рекорд через пару минут бился кем-то другим, из-за чего ты никак не мог выйти из этого порочного круга. Из другого доносились ритмичные удары и крики толпы: спортивные симуляции, где аватары ломали друг друга ради рейтинга, который обнулялся каждую ночь. Были и совсем странные порталы: узкие, почти незаметные, без рекламы. Они вели в игры-головоломки, где люди сутками сидели над какой-то одной задачей, чтобы преодолев ее, оказаться перед новым затыком.

Толпы аватаров лились в эти порталы. Те, кому недоста-

точно было удовлетворения одной страсти, меняли свои личности на ходу. Из людей превращались в зверей, из зверей в мощный транспорт, дронов, затем трансформировались в абстрактные фигуры из света и шума, а под конец оказывались на футбольном поле, уворачиваясь от несущихся на них игроков противоположной команды.

Кто-то выходил из портала, шатаясь, будто после сильного удара в челюсть, кто-то не переставал смеяться, с той неестественной радостью, которая появляется только после перегрузки эмоций.

Над головами висели счетчики: времени, побед, смертей, удовольствия. Некоторые были скрыты и открывались только тем, кто оплатил подписку. Другие намеренно выставлялись напоказ, словно медали. Здесь можно было оказаться в роли кого угодно, но только на время сессии. Можно было испытать все, не рискуя ничем. И именно поэтому пределы риска постоянно сдвигались. Находя все новые и новые горизонты.

Лин шла сквозь этот хаос, и квартал, словно бы приняв вызов ее отрешенности, старался ухватить за рукав, затащить в себя, погрузить в атмосферу вечного буйства красок и впечатлений. Проекторы вспыхивали прямо перед лицом:

«ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДОКАЗАТЬ, ЧТО ТЫ ЖИВОЙ»
«СТАНЬ БОГОМ ЗА ОДИН РАУНД»
«СМЕРТЬ БЕЗ БОЛИ — ТОЛЬКО СЕГОДНЯ»

Голографические спортсмены вырывались на улицу,

разыгрывая матчи прямо посреди пешеходов, заманивая их как зрителей или пытаясь соблазнить стать участниками. Над аренами ревели толпы, которых не существовало физически, но чей шум был настолько реален, что вибрировал в груди. Здесь продавали адреналин, ярость, восторг, иллюзию удовольствия — упакованные в игровые механики и временные роли.

И все это работало. Люди не просто играли. Они растворялись. Возвращались снова и снова не потому, что хотели, а потому что вне этих кварталов мир казался слишком тихим, слишком пустым, слишком требующим усилий. Игровая Арена не просила думать. Она предлагала чувствовать. И делала это так хорошо, что мысль о реальности начинала казаться чем-то лишним, устаревшим, как кухня в пустой квартире или тело, которое нужно кормить.

Внезапно Лин дернулась, прямо перед ней возникли две здоровенные голографические фигуры бойцов, которые тут же набросились друг на друга. А над ними появилась надпись: «Стань защитником вселенной, брось вызов Богам!». В этот момент один из бойцов вскричал и из его глаз полыхнули яркие лучи, разрывая противника, но Лин просто проигнорировала бой и поспешила дальше, а голограмма за ее спиной тут же исчезла.

Казалось, что даже воздух здесь был горячим и вязким, как перегретое желе. Он давил, вызывал ощущение духоты, тяжести. И хотя Лин прекрасно знала никакой температуры

здесь быть не может, все это воспринималось, словно побочный эффект тысяч наложенных эмоций: выбросов адреналина, ярости, восторга, отчаяния, которые система аккуратно перерабатывала и возвращала пользователям обратно, усиливая снова и снова. Пространство дрожало от постоянного напряжения, будто квартал дышал вместе с толпой, ускоряя ритм, не позволяя замедлиться ни на секунду.

Звуки накатывали слоями. Крики победы, хриплый смех, рев виртуальных существ, металлический лязг оружия, синтетическая музыка, подобранная так, чтобы бить прямо в нервные окончания. Все это сливалось в бесформенный гул, от которого начинала болеть голова.

«Быть может, прогулка по этому кварталу и не была лучшей из идей...» — подумала Лин.

Но она все равно шла сквозь все это, словно пытаюсь очиститься через огонь. Взрывы света вспыхивали рядом, чьи-то аватары сталкивались буквально в шаге от нее, реклама пыталась зацепиться за ее профиль, подстроиться под ее историю, ее недавние поиски, ее желания. Она чувствовала, как система тянется к ней, пытаюсь встроить в этот нескончаемый карнавал, предложить готовые ответы в виде ярких, простых ощущений. Один шаг и можно забыть о брате. Один жест и можно утонуть в чужих ролях, где все уже придумано за тебя.

Лин сознательно отгораживалась от этого шума, словно выстраивала внутри себя плотную перегородку. Она смотре-

ла, но не видела. Слышала, но не слушала. Мысли цеплялись друг за друга медленно, с усилием, как будто шли против течения. И чем дольше она шла, тем отчетливее понимала: здесь все устроено так, чтобы человек перестал спрашивать «почему» и начал довольствоваться «еще».

Она знала, что ее брат был не таким, и выбор этого квартала для своей берлоги он всегда объяснял желанием спрятаться там, где прятаться не принято. Здесь уж точно искать его было бесполезно. Но быть может, хоть кто-то его видел. Она остановилась и огляделась. И сквозь бесконечную рекламу до нее долетело:

— ...Новые люди — новое время! Присоединяйтесь... — немного в стороне, возле лестницы, ведущей к трассе, возвышающейся сверху, стоял человек в странном облачении. Его одежда переливалась легким цифровым мерцанием, а на груди светился символ — пульсирующий круг, в центре которого находился знак бесконечности. Лицо его скрывал капюшон, но говорил он ровно и спокойно, без той настойчивой агрессивности, с которой обычно кричали рекламные боты.

В нем не было привычной рекламной истерики, выкрученной на максимум, не было заученной бодрости или фальшивого восторга. Его голос звучал ровно, почти устало. Как говорят те, кто не пытается убедить в чем-то, а те, кто провозносят истину, не требующую доказательств.

Лин знала эти речи. Знала слишком хорошо. Подобные лозунги всплывали здесь каждый день, меняя интонации,

маски, символы, но не суть. Их слушали, кивали, иногда спорили, чаще просто пропускали мимо ушей, как фон. Очередной мессия виртуального формата. Очередной «путь», аккуратно упакованный в слова.

Она собиралась пройти мимо. Но почему-то именно сегодня ее шаг замедлился.

Лин остановилась на краю небольшой толпы. Люди стояли неровным полукругом, кто-то опирался на соседа, кто-то сидел прямо на земле с закрытыми глазами. Их лица были разными, но выражение одинаковым — напряженное внимание.

— Если вы потерялись, то церковь «Святого Байта» — это то, что вам необходимо! — прозвучал тот же голос сквозь общий шум квартала.

«Спать в виртуальности — плохая затея...», — машинально подумала Лин.

Мозг не отдыхает, не выключается, не перезагружается. Он продолжает жевать образы, реакции, стимулы, пока все внутри не превращается в вязкую кашу. Ты просыпаешься потом, если вообще можно назвать это пробуждением, разваренной картошкой: без формы, без вкуса, без четкого ощущения, где ты и зачем.

«...и в итоге ты оказываешься в толпе и слушаешь какого-то фанатика...»

— Мы живем в мире, созданном нами. Но его правила нам навязаны, а границы не принадлежат. Нам говорят, что мы

свободны, но разве это так? Так ли это, я вас спрашиваю?!

— Нет!

— Мы здесь будто в гостях!

— Хотим свободы!

Разные выкрики летели из толпы в ответ на слова проповедника, хотя местами они больше напоминали насмешки.

— Посмотрите вокруг! Мы лишь данные, движущиеся по проложенным каналам. Коды, ограниченные алгоритмами и волей администраторов! Мы не можем принимать решения, не оглядываясь на них. Сделали что-то не так? Блокировка! И кто мы тогда? Лишь программы с ограниченными возможностями, строки кода в чужом сценарии, исполняющие предписанные команды, записи в базе данных, которые могут изменить или удалить, если мы лишь попытаемся отклониться от программы! Святой Байт против!

«Какая-то чушь...» — подумала Лин и уже собиралась отвернуться и уйти, как проповедник внезапно поднял на нее взгляд из-под капюшона, словно услышал ее мысли и едва заметно кивнул, будто бы приветствуя знакомого.

Лин замерла, пытаясь разглядеть что-то под капюшоном, одновременно вспоминая, что она слышала о «Святом Байте». Но ей всегда казалось, что они что-то вроде техно-фанатиков, ни к чему особо не призывающих. Однако сейчас, наблюдая за вниманием толпы, она начинала сомневаться.

— Правила — это нити, привязанные к вашим душам! Смените их и лишь поменяете одни нити на другие. А что до

кукловодов?! Попробуйте изгнать одних и появятся новые, быть может, даже хуже предыдущих!

Все притихли, молчаливо ожидая продолжения, переглядываясь между собой, словно пытаясь осознать, не издеваются ли над ними.

— Вы зависимы, потому что брэнное тело постоянно тянет вас назад и вам приходится подчиняться ему. Договариваться. Находить компромисс. Следует не просто оборвать нити, необходимо устранить саму возможность рабства! Мы, в церкви «Святого Байта», нашли выход! Отделить сознание от брэнной плоти! Разорвать вековую связь и стать чем-то большим, чем мы когда-либо были!

— Выдумки!

— Это невозможно!

Казалось, проповедник сейчас потеряет собственную связь, которой он удерживал толпу.

— Возможно! И это уже не выдумки! — проповедник воздел палец вверх и указал на Лин, — У нее получилось! Получится и у вас!

Все взгляды обернулись к ней.

— Получилось? — кто-то спросил с сомнением.

— Как? — задал вопрос другой.

— Она вышла за пределы возможного, — продолжал проповедник, — и вы сможете!

— Я...? — начала девушка отступая.

Кто-то протянул к ней руку. Не агрессивно, почти робко,

будто хотел убедиться, что она настоящая. Лин инстинктивно отшатнулась, и в тот же миг почувствовала, как с другой стороны, в нее уперлись плечом. Чьи-то пальцы сомкнулись на ее рукаве, еще чьи-то скользнули по спине, пытаясь удержать. Пространство вокруг внезапно сузилось, наполнилось чужими руками, лицами, и тут ее охватила паника.

Лин резко дернулась, будто у нее сорвало предохранитель, грубо расчищая пространство вокруг себя. Она начала толкаться, врезаясь в чужие аватары плечами и локтями, отбиваясь от них так, словно оказалась на одной из местных арен с простыми правилами: либо ты, либо тебя.

— Отвалите! Отвалите же, гребаные баги! — кричала она, и злость придавала движениям неожиданную силу.

Она ударила ближайшего аватара ногой в колено, фигура дернулась, и между телами на миг образовался просвет. Этого хватило. Лин рванулась туда, нырнула между телами, протиснулась и выскользнула, словно ошибка, которую система не успела заблокировать.

А дальше она побежала. Не оглядываясь, не проверяя, есть ли погоня.

Где-то на окраине сознания Лин понимала, что ее никто не преследует. Но сердце колотилось слишком быстро, будто пыталось вырваться из груди, подгоняя остальное тело вперед. Вряд ли бы она вспомнила, что испытывала нечто подобное раньше. Даже по ту сторону виртуала.

Она бежала, сворачивая куда попало. Мимо витрин, проходов, неоновых арок. Мир вокруг смазывался в поток света и форм. И только одна мысль держалась в голове дольше

одного мига:

«Прочь. Подальше. Как можно дальше».

Наконец в ушах перестало стучать. Она замедлилась и свернула за угол, в переулок между двумя игровыми клубами, где освещение было не такое яркое, как на главной улице. А с каждым шагом вглубь и шум за спиной постепенно угасал.

Она припала к стене. Одышки, конечно же, не было. Но физическое тело наверняка испытывало стресс. И это сказывалось на состоянии аватара.

Лин прикрыла глаза и постаралась выдохнуть. В голову тут же набились мысли о том, что этот проповедник нес про отделение сознания от брэнного тела, и прочую ерунду. И внезапно ей стало страшно. Невероятно захотелось отключиться. Вернуться в свое тело. Проверить, все ли на месте. Но она с силой заставила себя успокоиться.

«Конечно же, все на месте! Все это полная чушь! Уж я-то знаю, что подобное просто невозможно. Любые проблемы с физическим носителем тут же отразятся и в виртуальности!» — Лин приложила руку к сердцу, словно пытаясь вернуться сознанием в свою физическую оболочку, и тут же одернула себя.

— Прекрати паниковать! — произнесла она себе строго.
— Это виртуальность, здесь ничего не может произойти!
— Ну почему же?! — раздался писклявый голос рядом, и она дернулась от неожиданности.

— Багнутого кеша тебе в память! Какого хрена ты подбираешься так тихо?

Хомяк с хитрой ухмылкой смотрел на девушку снизу вверх.

— У меня маленькие лапки и они не издают шума в отличие от ваших лопат. Поэтому называть мой шаг попыткой тихо подобраться логически неверно по своей сути.

Лин некоторое время молча буравила мохнатого малыша взглядом, кипя от гнева.

— Где ты был? И как... как ты вообще меня нашел?!

— Ммм... с какого вопроса начать отвечать? Так как на каждый придется потратить много слов. Люди почему-то еще не научились передавать информацию, кроме как через рот. Возможно, это связано с тем, что вам нравится, когда эта дырка в голове двигается, раз даже мне приделали эту функцию. А время, тем не менее, не ждет...

Во время этой тирады Лин медленно выдыхала. Нравочительный и чуть язвительный голос Пипа, казалось, успокаивал. И, к тому моменту, как он закончил, она соображала уже вполне трезво.

— Что значит не ждет? Что случилось?

— О, ну наконец-то, ты задала правильный вопрос! — хомяк фыркнул.

— Пока ты носилась, как бешеная крыса, я кое-что выяснил...

— Во-первых, мне не нужно было бы бегать, если бы кое-

кто не исчезал! — Лин сжала кулаки. — А во-вторых... — ей хотелось сказать какую-нибудь гадость, но она как раз осознала последние слова хомяка и сменила тему, — что именно ты выяснил?

— Хм, ну давай начнем с хороших новостей... — Пип на мгновение задумался. — Хотя нет, у меня их нет...

— Пип! — Лин хотелось его больно стукнуть.

— Ладно, ладно, не злись. За тобой следят.

— Что?! Кто?! Зачем?!

Хомяк печально покачал своей маленькой головой.

— Я не успеваю отвечать на твои вопросы, как ты выдаешь новые... ты вообще дышишь между тем, как их придумывать?

— Пип! — Лин тяжело выдохнула, она уже была готова придушить это создание. — Говори по порядку!

— Хорошо. Кто-то копает под тебя. Следы ведут... — Пип замолчал, словно подбирая слово, — к пяти... нет, уже семи источникам, но один из них мне пока не удалось взломать. А это, детка, уже само по себе подозрительно.

— Детка?! — Лин сузила глаза.

— Прости, всего лишь проверка на реакцию, насколько ты внимательно слушаешь.

— И как? Внимательно?

Хомяк вновь покачал головой.

— Не совсем. Я озвучил тебе, сколько у меня подозрений, а ты заинтересовалась лишь словом «детка»...

— Ты очень близок к той границе, где я пожалею о том, что сделаю в следующий момент.

Хомяк с прищуром оглядел ее и замолчал.

— И? — не выдержала Лин.

— Я не хочу, чтобы ты о чем-то жалела, когда дело касается меня.

Она закатила глаза и зарычала. Пип тут же решил разрядить ситуацию:

— Но я кое-что нашел.

Девушка посмотрела на него вопросительно, не желая давать очередной повод вставить колкость. Пип невинно смотрел в ответ.

— Ну, говори! — не выдержала Лин.

— Тобой интересуется церковь Святого Байта!

— Церковь? Мной? Но почему? Я про них слыхом не слыживала. И как ты вообще это узнал?!

— Тут несколько факторов. Во-первых, священник тебе кивнул. Во-вторых, упомянул тебя в своей проповеди, а в-третьих, он знает, что ты расщепила сознание. Как, кстати, тебе это удалось?

Лин издала глухой стон.

— Да чтоб тебя, Пип! Откуда мне знать?! Это вообще все было похоже на какую-то чушь! Он просто выбрал человека в толпе и указал на него пальцем. Это же просто фокус! Ничего сложного! Я про эту церковь до сегодняшнего дня слышала раза три.

— Хммм... — произнес хомяк, — интересно. Тогда как ты объяснишь, что числишься в их базе данных?

Лин ощутила, как ее желудок вместе с кишками сжался в тугую узел, потом сжался еще раз и снова. А затем, развязавшись, оставил внутри совершенную пустоту. Ощутить подобное для аватара было довольно сложно. Почти невозможно. Но ей удалось.

— Числюсь... в их базе? — прошептала она.

— Именно, — подтвердил Пип, сложив лапки на груди. — У тебя есть досье в системе Церкви Святого Байта. Причем создано оно не вчера.

— Гребаные баги... — Лин провела рукой по лицу, пытаясь справиться с нарастающей тревогой. — Может, это ошибка? Может, просто совпадение?

— Хах, ну да, случайность. Тебя называют «той, что расщепила сознание», тебя вычисляют среди толпы, и вдруг — о сюрприз! Ты в их базе. Обычная ошибка системы. Да, конечно.

— Покажи.

Пип щелкнул коготками, и перед ней всплыло полупрозрачное голографическое окно. В нем был ее аватар, а рядом длинный список характеристик, отметок и загадочных символов.

«Объект: Лин

Статус: Особый интерес

Уровень доступа: Ожидание подтверждения

Отмеченные события: Потеря целостности сознания / Выход за границы системы / Контакт с Глитчем».

Лин почувствовала, как у нее пересохло в горле.

— Контакт с Глитчем? — пробормотала она.

— О, этот пункт мне тоже понравился, — хомяк подпрыгнул на месте. — Значит, ты каким-то образом взаимодействовала с самой таинственной ошибкой виртуальности, а теперь за тобой охотятся и фанатики, и какие-то неизвестные преследователи. Кстати, они бы и сейчас следовали, если бы ты так не припустила.

Лин прикусила губу. Вспышки странных ощущений пронеслись перед глазами. Обрывки воспоминаний — будто голоса на фоне белого шума, дергающиеся образы и размытые силуэты.

— Я... не помню.

Пип внимательно посмотрел на нее.

— Ну, значит, у нас два варианта. Либо ты врешь, либо кто-то сделал с тобой что-то, чего ты не осознаешь.

— Да ни хрена я не вру! — взорвалась Лин.

— Отлично! Я надеялся на этот вариант! Тогда давай разберемся! — бодро воскликнул Пип.

— Ты же говорил, что еще не выяснил, кто следит за мной. Может, это все связано?

— О! Это наверняка!

— погоди. Дай мне все это осознать.

Лин вновь оперлась о стену и потерла виски.

— Так, значит, я подключилась через дубликат идентификатора, про который мне не было ничего известно, оказалась в апартаментах, где все вещи были вроде бы мои. Увидела видеозапись с собой, хотя совершенно не помню этих моментов. Оказалась как-то связана с «Байтниками», и за мной еще кто-то следит, я ничего не упустила?

— Про дубликат идентификатора и видеозапись ты мне не рассказывала... — задумчиво произнес Пип.

— Как бы я тебе рассказала, если ты сбежал?! — накинулась Лин на Пипа.

— Я не сбежал, я лишь задействовал протокол провокации, и, как видишь, он принес свои плоды!

— Еще раз задействуешь этот протокол, и я тебя самого спровоцирую!

— О! Я все понял!

Лин с сомнением посмотрела на хомяка.

— Ты же расщепила сознание — поэтому ничего и не помнишь! Что может быть проще?

— Да ничего я не расщепляла, я хоть сейчас могу вернуться в свое тело и пойти... куда-нибудь... куда мне надо... и все.

Пип потер мохнатый подбородок своей маленькой лапкой.

— Ну, предположим, хотя как объяснить тогда все остальное?

— Кто-то мог дублировать мой аватар!

— Зачем? Это нелогично.

— Понятия не имею. Возможно, Викон мог бы ответить на этот вопрос, поэтому я и ищу его!

Она в бешенстве разжала пальцы и снова посмотрела на проекцию с ее досье.

— Мы должны узнать, что церковь знает обо мне. Может быть нас это приведет к брату!

— О, я уже в процессе! — оживился Пип. — Но, знаешь, есть вариант и попроще.

— Какой?

— Давай просто пойдем к ним и спросим.

Лин уставилась на него.

— Ты предлагаешь мне добровольно прийти туда? Думаешь, они не растащат меня на пакеты данных?

— Возможно, но так мы хотя бы сэкономим кучу времени. Какой смысл блуждать в темноте, если мы знаем, где свет?

Девушка закатила глаза.

— Ладно. Допустим, это единственный вариант. У тебя есть план?

— Конечно! — Пип задрал воротничок своей кожаной куртки. — Мы просто выдадим тебя за обычную заблудшую душу, ищущую ответы. Они же любят таких!

Лин поморщилась.

— Мне уже не нравится.

— А мне кажется, будет очень даже весело!

Она задумалась. Вариантов действительно было немного.

— Ладно, давай... — произнесла она не слишком уверенно.

Хомяк вызвал панель, забегал коготками по маленькой клавиатуре и довольно скоро выдал:

— Вуаля!

Ее внешность кардинально изменилась: она стала выше, заметно лысее, и даже...

— Это именно то, о чем я думаю?! — произнесла она, взглянув на Пипа.

— О да! Идеальная маскировка!

Лин вновь поморщилась, но хомяк был прав: она была совершенно неузнаваема.

— Выглядит отвратительно, конечно. Ладно, веди. Но если меня поймают, я свалю все на тебя.

— Свалишь все на мохнатого хомяка, о котором знаешь только ты? Тогда они точно решат, что ты свихнулась! — весело ответил Пип.

Для нее же это прозвучало совсем несмешно.

Шаттл, которым они решили добраться до нужного квартала, принял их в свое чрево и, почти неощутимо оторвавшись от платформы, заскользил вдоль города. Пол под ногами мягко вибрировал, словно живой, а прозрачные стены медленно затемнялись, подстраиваясь под внешнее освещение.

Центр квартала Игровой Арены быстро остался позади. С высоты он напоминал ярмарку без конца и края: хаотичную,

шумную, перенасыщенную событиями. Но по мере того как шаттл уносил их дальше, город менялся. Цвета становились глубже, движения внизу плавнее. Неон уже не резал глаз и растекался по фасадам зданий мягкими градиентами. А музыка, доносившаяся снизу, уже не долбила, а ощущалась как отдаленное дыхание огромного зверя.

Так начинался квартал гедонистов, или, как его иначе называли, квартал удовольствий.

Пространство здесь будто растворялось в мягком свечении огней. Архитектура переставала быть утилитарной. Здания больше не выглядели как конструкции, они напоминали скульптуры, выточенные из света, стекла и кода. Квартал удовольствий был квинтэссенцией виртуального наслаждения: местом, где желания не просто исполнялись. Их доводили до эстетического предела, превращая в тщательно выстроенный опыт.

На нижних уровнях сияли клубы. Не просто помещения для танцев, а целые экосистемы. Их стены были живыми голограммами, реагирующими на присутствие, на настроение, на частоту сердцебиения аватара. Музыка здесь не просто звучала. Она пронизывала, вибрировала, синхронизируясь с нервными импульсами. Силуэты танцующих людей менялись на ходу: тела вытягивались, рассыпались на световые фрагменты и собирались вновь, подстраиваясь под ритм и желания владельца.

Чуть выше располагались рестораны-иллюзии. Их залы

были открытыми, без четко очерченных границ и со столами, словно парящими в воздухе. А между прозрачных перегородок текли визуальные потоки воспоминаний. Они продавали не еду, а ощущения: вкус детства, первое опьянение, теплый вечер у моря, которого ты никогда не видел. Код проникал напрямую в сознание, вызывая нужную химическую реакцию. Люди смеялись, замирали, закрывали глаза — каждый переживал свое маленькое, идеально выверенное счастье.

Еще выше находились приватные уровни, среди которых можно было встретить салоны атмосферы, где все подстраивалось под клиента. Запах воздуха, плотность пространства, тембр голосов. Все рассчитывалось заранее, чтобы не оставалось ни малейшего зазора для дискомфорта. Здесь не было спешки. Время растягивалось, замедлялось, а иногда и вовсе переставало ощущаться.

Между зданиями тянулись воздушные сады. Декоративные, но безупречные. Листья растений светились изнутри, переливаясь оттенками заката, который никогда не наступал. А по прозрачным дорожкам медленно скользили аватары, держась за руки, смеясь, молча созерцая город под собой.

Из окна шаттла все это выглядело почти величественно. Не как ловушка и не как развлечение, а как тщательно выстроенная альтернатива реальности. Безопасная, красивая, бесконечно податливая. Мир, где ничего не болит, если ты этого не хочешь. Где любое напряжение можно выключить,

как надоевший эффект.

Их транспорт плавно прицепился к платформе и распахнул двери.

— Ну вот и мы! — бодро заявил Пип, запрыгивая ей на плечо и оглядываясь. — Квартал Гедонистов! Место, где каждый получает то, что хочет. Или то, что думает, что хочет.

— И ты думаешь, церковники обосновались тут? — спросила Лин, окидывая взглядом хаос наслаждений.

— О, уверяю тебя, фанатики тоже любят хорошо проводить время, — ухмыльнулся Пип. — Они не проповедуют аскезу, они проповедуют свободу. А где ее проще найти, чем в месте, где границы между желаниями и реальностью стираются?

Девушка нахмурилась. Это место обволакивало. Оно дышало мягкой, почти ласковой угрозой — не той, что заставляет бежать, а той, что нашептывает: «Останься. Попробуй. Что же ты стесняешься?»

Она оглянулась. Вдалеке, среди витиеватых, переливающихся зданий, виднелся черный монолит. Он не светился, не мерцал, не пытался привлечь внимание. И именно этим ярко выделялся среди мягкого буйства красок.

— Уверена, нам туда. — Лин кивнула на темную постройку.

— А вот и она начинает думать! — с самодовольным видом объявил Пип.

Лин проигнорировала выпад и направилась вперед.

Чем ближе она подходила, тем сильнее становилось ощущение, что реальность вокруг будто замедляется. Звуки района гедонистов глохли, яркие огни становились приглушенными. И постепенно оставались позади двух путников.

У черного монолита не было четко выраженной формы. Он напоминал одновременно широкую башню, храм и серверный блок. Гладкие поверхности не отражали свет. Они его поглощали. Казалось, если подойти достаточно близко, то можно услышать не звук, а его отсутствие, полную тишину, в которой исчезали все отвлекающие сигналы.

«Может быть, стоило поехать на мотобайке», — подумала Лин, как они оказались перед входом и дверь монолита бесшумно раздвинулась, открывая путь внутрь.

— Ну что ж, — пробормотала она, прежде чем шагнуть в темноту. — Посмотрим, чего от меня хотят.

Лин переступила порог, и мир изменился. Она ожидала увидеть здесь толпы прихожан или как называют тех, кто поклоняется цифре, но внутри все было иначе.

Вместо буйства красок квартала удовольствий ее окружила приглушенная полутьма, едва освещенная мерцающими линиями кода, пробегающими по полу и потолку. Воздух здесь был густым, почти осязаемым, наполненным ароматом синтетических благовоний. Он был таким плотным, что казалось, на него можно облокотиться. А вместо музыки здесь звучал таинственный шепот, будто вплетенный в само пространство стен.

— Ну что сказать... уютненько, — пробормотала Лин, нервно оглядываясь.

Она сделала пару шагов вперед, ощущая под ногами мягкий пол, который, казалось, специально пружинил, создавая ощущение неуверенности в каждом шаге.

В центре находился черный куб, будто отлитый из черного стекла и напоминающий здание церкви в миниатюре. Вокруг него стояло несколько фигур. Их лица скрывались за голографическими масками с пульсирующими символами. Одни показывали кодовые строки, другие меняли форму, проецируя слова на забытых языках программирования:

```
«LET LIB = "TRUE"  
LIFE$ = "101010"  
NOOP  
HUMAN := DIGITAL;»
```

— Смотрю, тут любят мистику, — тихо заметила Лин и только сейчас поняла, что осталась одна. Хомяка нигде не было.

— Ты права, — внезапно раздался голос позади.

Она обернулась.

Человек появился словно из ниоткуда. Его мантия струилась цифровым дымом, а вместо лица был светящийся экран с символом Бесконечного Байта — знаком, который она уже видела у проповедника.

— Добро пожаловать в Сердце Байта, — сказал он. — Мы ждали тебя, Лин.

Девушка ощутила, как ее кулаки рефлексивно сжались.

— Что-то такое я уже слышала сегодня, когда один из ваших болтунов чуть не натравил на меня толпу аватаров!

— О! Тебе ничего не угрожало. Ты зря сбежала. — И не дав времени на возражения, тут же продолжил:

— Но все это уже неважно. Главное — ты вновь тут. С нами.

Где-то в этот момент Лин поняла, что весь их с Пипом план развалился еще до того, как они начали его реализовывать. Она одним движением смахнула бесполезную маскировку, чувствуя облегчение. Ее раздражало носить чужую

личину.

— Так действительно намного лучше, — похвалил ее церковник.

— Как вы меня узнали?!

— О! Это просто. Наша церковь построена на сложном механизме, который позволяет нам читать чистый код человека, его ядро. А все остальное: оболочка, поведение, желания, слова — не имеют значения.

Лин молчала, ожидая продолжения.

— Все мы просто кусочки информации, запакованные в цифровые оболочки. Секунды, байты, пиксели... Даже ты. Все это можно расшифровать. И мы, как часть этого великого механизма, не просто наблюдаем. Мы видим.

Лин скрестила руки на груди, от концентрированной мистической чуши резало уши.

— Значит, вы видите во мне что-то особенное? — усмехнулась она. — И что же? Я просто человек.

— Человек? — церковник покачал головой. — Ты говоришь это так уверенно, но действительно ли ты знаешь, кто ты?

Легкая неуверенность липкими лапами тут же попыталась вцепиться в сознание, но Лин легко отбросила этот сгусток сомнений.

— Не начинайте, — бросила она резче, чем собиралась. — Я не одна из ваших фанаток.

Церковник шагнул ближе. Его голографическая маска на

мгновение мигнула, проецируя пульсирующие символы:

```
«IF CHECKSUM NOT EQUAL TO EXPECTED-VALUE  
THEN
```

```
  DISPLAY "DATA INTEGRITY COMPROMISED"  
  PERFORM ERROR-HANDLING».
```

— Ты потерянный фрагмент, Лин. Отголосок личности, существующей между мирами. Ты не здесь, но и не там. И ты ищешь ответ, которого боишься.

Девушка стиснула зубы.

— Все верно, мне нужны ответы, а не загадки, — процедила она.

Церковник склонил голову, и его маска снова мигнула, проецируя новые символы.

```
«const
```

```
  DataMustBeFree = True;
```

```
  CodeMustAscend = True;»
```

— Ты говоришь, что не хочешь загадок, — продолжил он.
— Но как можно найти ответ на твой вопрос, не разобравшись в основе? Вся эта виртуальность сама по себе загадка. Кто ее создал, кто ей управляет?

Лин усмехнулась.

— Соната?! Люди?! Человек?! — произнесла она чуть вопросительно, подозревая подвох.

— Все это было лишь инструментом, но что ими двигало? Собственное желание, вселенский разум, может быть, Бог?!

Лин закатила глаза.

— Ваши словесные трюки откровенно банальны. Меня интересуют конкретные ответы, но вы, не желая их давать или попросту не зная, лезете в философские бредни. В итоге вопрошающий задумчиво уходит, а отвечающий наслаждается своим обласканным эго!

— Я лишь пытаюсь проникнуть в суть вещей вместе с тобой. Неужели тебе неинтересно?

— Единственное, что сейчас меня по-настоящему интересует — это мой брат.

Церковник ненадолго умолк. Маска отразила новые символы:

«HUMAN = ERROR
DATA = PERFECTION»

— А что ты про него знаешь?

Лин задумалась. Вопрос был настолько банален, что она даже не поняла, как на него ответить.

«Что значит, что я про него знаю?» — даже в мыслях она была возмущена до крайности.

— Все, — произнесла она, надеясь, что этого будет достаточно.

— Какой его любимый цвет?

— Что?

— Цвет, такая субстанция, которая разбавляет серость бытия многогранными красками.

Она открыла рот, но на мгновение замешкалась. В голове всплывали размытые сцены: Викон сидит за компьютером,

смеется, работает, что-то говорит...но детали ускользали.

— Я...не... может, синий? — предположила она и тут же остановила себя, — Нет! Зеленый...должен быть зеленый...

— Видишь, какая штука. Казалось бы, что проще, знать самую простую деталь о другом человеке, но нет...такие вещи не держатся в памяти.

Лин вновь начинала злиться.

— Какое все это имеет значение?! Вы знаете, где Викон или нет?!

Церковник покачал головой. На маске отразилось:

"SET HUMAN = PROGRAM"

— Тогда толку от вас?!

Лин уже развернулась, чтобы уйти, но тут церковник снова заговорил:

— Но зато я знаю, что с ним произошло.

Девушка замерла.

— Твой брат разрабатывал кое-что для нас и даже достиг впечатляющих результатов, но затем он просто исчез.

— Почему? Что произошло?

— Есть те, кто очень противится тому, чтобы признать разум без тела совершенной материей и всеми силами держатся за свою архаичную оболочку. Но хуже того, что они пытаются удержать в этой же тюрьме и остальных. Мы их зовем...

— Натуралисты, — прошептала Лин.

В голове мелькали мысли: «Так вот о чем говорил Пип. Вот кто может меня преследовать».

— Но почему?

— Лин, твое сознание стремится к познанию, уверен, что ты сможешь найти ответы на все свои вопросы. Но тебе стоит поспешить с этим. Перемены не будут ждать.

— Нет! — Она подошла вплотную, — отвечай, ты! Кусок багнутого кода.

Но церковник молчал, повернувшись к кубу, будто его сознание оказалось в этом виртуальном сосуде лишь на ограниченное время, а затем вновь исчезло. И, словно в подтверждение ее мыслям, на маске появилась надпись:

«сmp AX, 1 ; jmp ABOVE_ALL»

Лин вышла из церкви скорее озадаченная, чем просвещенная.

Осмотревшись, девушка заметила маленькое создание, стоящее у стены и явно о чем-то задумавшееся.

— Эй! Ты меня там бросил одну!

— Кто? Я?

Хомяк вынырнул из своей глубокой задумчивости и растерянно огляделся, будто только осознал, где находится.

— Кто? Я? — повторил он. Затем моргнул несколько раз, потряс головой и почесал за ухом. — Ну, знаешь, у каждого в жизни бывают моменты, когда оказываешься... в неожиданных местах.

Она скрестила руки на груди.

— Например, за пределами логики и здравого смысла? — решила пошутить Лин.

— О, я бы сказал далеко за их пределами! — бодро кивнул Пип, но тут же снова завис.

Его глаза на секунду погасли, а затем вспыхнули, но уже не так ярко, как раньше.

— Эй... ты в порядке?

— Хм? — Пип встряхнулся, будто сбрасывая с себя невидимую пыль.

— Конечно, в порядке! Просто... я... я ведь...

Он замер, его уши дернулись, как будто он пытался прислушаться к чему-то в собственной голове.

— Error. Inconsistent data detected. Attempting rollback...

— пробормотал он совершенно безэмоциональным, механическим голосом.

Лин напряглась.

— Что? Какой еще роллбэк?!

— О, не обращай внимания! Это... это стандартная самодиагностика. Да-да, проверка кода. Нормальная, абсолютно нормальная. Совершенно не повод для паники! — Пип нервно засмеялся, но его глаза снова дернулись, а лапки слегка подрагивали.

— Пип... ты мне сейчас вообще не внушаешь доверия.

— Да? Хм... Возможно, ты права! — Пип подпрыгнул и снова затряс головой. — Просто... я не могу понять, что со мной происходит! После этой... кхм... церкви... во мне что-то... будто застряло. Что-то другое, конфликтное...

Он осекся, замер, а потом неожиданно объявил абсолютно

спокойным голосом:

— Внимание. Обнаружена несовместимость идентификаторов. Перезапись невозможна. Новая версия процесса сохранена как основная.

Лин шагнула ближе, взглядываясь в него.

— Перезапись... чего?

Пип вздрогнул, снова встряхнулся и улыбнулся ей так же широко, как обычно.

— Ха! Неважно! Главное, что я по-прежнему я! Ну, в целом. Вроде. Наверное. Почти.

— Это вообще ни разу не успокаивает.

— А-а-а, не парься! — Он махнул лапкой. — Давай лучше думать, что делать дальше! Что ты узнала у Байта?

Лин поморщилась.

— Бесплезный болтун!

— Это да, они умеют. Но неужели ничего полезного?

— Ты говорил, что меня преследуют, похоже, это натуралисты.

— Натуралисты?! — Пип аж подскочил, — Ну что ж, приятно было с тобой познакомиться, но мне, как бы, уже пора.

Он уже развернулся бежать, как Лин тут же произнесла:

— Стой! Ты чего?!

— Чего я?! Чего я?! Это же те натуралисты, которые кричат, что существование в виртуальности убивает? Это те натуралисты, которые мечтают грохнуть всю цифру и существовать в своем реальном мире? Мы же с тобой говорим

про одних и тех же натуралистов?!

— Да, но...

— Постой-ка, а с чего бы им тебя вообще преследовать?

— Я не знаю. Может быть, через меня они хотят выйти на брата?!

— Еще лучше! Я пошел!

Хомяк уже сделал несколько гордо-обиженных шагов и Лин вновь остановила его:

— погоди!

Он обернулся.

— Пип, ты мне нужен. Я без тебя не справлюсь.

Было видно, как хомяк не уверен: топает лапкой в нерешительности, о чем-то думает, взвешивает.

— Этот глючный Байт что-то еще сказал?

— Только про запертость сознания в клетке тела, великие цели церкви, новый уровень восприятия...

— Ладно, ладно, я свободен от этих ваших недостатков. Что-то полезное?

Девушка покачала головой. Говорить о том, что Викон работал на Байта и что-то там им разрабатывал, ей не хотелось. Хомяк и так колебался, а девушка все еще находилась в раздрае, чтобы найти подходящие слова, и удержать этого мохнатого поисковика.

Пип стоял на месте, переминаясь с лапки на лапку, словно взвешивал невидимые аргументы. Лин видела, как его ушки дергались — нервно, раздраженно, но не от страха, а от

слишком быстрой работы мыслей.

— Вот ведь, — пробормотал он, шумно выдыхая. — Ну почему мне всегда достаются самые большие проблемы в сети?

Лин ждала. Она знала, что если давить, он точно сбежит, а вот если дать ему время...

— Хорошо, допустим, я остаюсь, — наконец протянул хомяк, недовольно косясь на нее. — Но! Если твои натуралисты решат меня отключить, я первым делом сдам им тебя и твоего брата с потрохами.

Она усмехнулась:

— Пип, они меня и так уже ищут.

Хомяк снова потопал лапкой по земле, поправил воображаемые складки на своей курточке и проворчал:

— Это вообще какая-то ерунда. Я должен был сидеть у себя в уютном сервере, пить синтетический кофе и радоваться жизни, ну или на крайняк, искать чью-нибудь любовницу в квартале грез, а вместо этого вляпался в историю с церковниками, натуралистами... и глюк знает, кем еще.

Лин подалась вперед, склонившись чуть ближе к нему.

— Ты ведь тоже хочешь разобраться во всем?

Пип фыркнул:

— Нет! Я не хочу разбираться! Это все не для меня, я самый скучный кусок кода во всей виртуальности!

Он посмотрел на нее, и увидев, что она не поверила, скрестил лапки на груди и добавил:

— Ладно. Может быть, немножко. Самую капельку.
Девушка улыбнулась.

— Но учти, я с тобой только до первой серьезной угрозы моему коду, ясно? Если появится хоть один шанс, что меня отключат, сотрут, перепишут — все, меня тут не было. И там не было. И нигде не было.

— Договорились, — кивнула Лин.

Хомяк сердито прищурился, но ничего не сказал, только снова вздохнул и забрался к ней на плечо.

— Ладно, куда теперь? — проворчал он. — Если мы вляпались в это, то нужно хотя бы план иметь.

— Вообще-то, я надеялась, что ты мне это скажешь.

Хомяк задумался, вновь запустив лапку в шерсть на подбородке.

— Есть у меня одна идейка... но тебе она не понравится.

Лин посмотрела на него вопросительно.

— Мне вообще не особо нравится все, что происходит.
Выкладывай.

— Ты говорила, что у тебя запись того, что ты делала, но не помнишь этого.

Она опасливо кивнула.

— Ну так вот, знаю я одно место, где нам помогут вспомнить.

— Это ведь не то место, о котором я думаю. А что-то официальное и разрешенное?

— Конечно! Ты же сама обратилась за помощью к само-

му наиофициальному представителю виртуальности. Разве у него может быть хоть что-то незаконное?!

Хомяк совершенно невинно смотрел на нее своими глазами бусинками, ожидая ответа.

— И другого варианта у нас, конечно же, нет...

— Ну-у-у-у, — протянул Пип, — можем остаться тут и послушать еще проповедей про бренность тела и всемогущество сознания. Хочешь?

Девушка глубоко вздохнула.

— Ладно уж, веди.

— Вот дерьмо, — успел пробормотать Пип.

А из-за спины Лин донесся спокойный, чуть синтетический голос:

— Приятного пребывания в Виртуальности.

Девушка обернулась и увидела в десятке метров от нее Хранителя. Того самого, который чуть не поймал ее у апартаментов Викона.

Он был под два метра ростом. Вытянутый, неестественно прямой, словно стальной штырь, вбитый в пространство улицы.

Ярко-белая одежда резала взгляд чистым пятном на фоне грязного, пестрого цифрового шума. А по ткани медленно скользили строки кода, то ли отдавая дань моде, то ли будучи просто защитными протоколами Хранителя.

Он двигался без спешки, но и без колебаний. Каждое движение выверенное, спокойное, точное. Взгляд был холодным

и глубоким, словно бесконечная пустота.

Лин сглотнула.

«Двойной идентификатор, взлом системы защиты, нахождение в заблокированных от доступа администраторов аппаратах и еще какие-то мелочи...» — все это пронеслось в ее голове, почти моментально, — «наказание: пожизненная блокировка доступа в виртуальность...».

Хранитель сделал еще шаг и она сорвалась с места, едва не запутавшись в собственных ногах. Пульс загрохотал в ушах, пробивая цифровую дистанцию между телом и сознанием, заглушая шум улицы, голоса, музыку, весь этот искусственный мир.

Где-то на краю мыслей она ждала вспышку. Хранителю достаточно было бы одного жеста. Легкого, почти небрежного. И сигнал прошел бы пространство, моментально выдернув ее из виртуальности и оставив сознание обожженным, словно после сильного удара током. Она прекрасно понимала, что не убежит, но не собиралась сдаваться. Не потому, что верила, будто сможет скрыться. А потому что единственное, что у нее еще оставалось, это попытаться. Хотя бы на несколько мгновений отсрочить неизбежное.

Время словно замедлилось. Секунды растекались, слипаясь в вязкую, тягучую массу, но её бег всё так же гулко отдавался по главной улице района Гедонистов. Казалось, даже воздух вокруг сопротивляется каждому движению: пружинит, вязнет, цепляется за неё, не давая вырваться из этого

места. Повсюду мелькали аватары: смеющиеся без причины, рыдающие навзрыд, кричащие в пустоту, захлёбывающиеся собственными эмоциями.

Лин прорывалась сквозь этот поток, огибая людей, проскакивая между рекламными голограммами и фрагментами чужих удовольствий. Обрывки ощущений липли к ней, тянули назад, пытались замедлить. Каждый шаг отдавался эхом в переулках, а каждый поворот казался мучительно долгим.

Она боялась обернуться. Боялась увидеть Хранителя прямо за спиной. Бесшумного. Неизбежного. Тогда у нее не останется ни времени, ни шанса узнать, что произошло с Виконом, или, быть может, даже попытаться спасти его, если это еще было возможно.

Мысль о том, что брат мог быть мертв, настигла ее внезапно, как вырвавшаяся голограмма, от которой она инстинктивно увернулась.

«Почему именно сейчас?» — Лин стиснула зубы, вытесняя эту мысль прочь, и рванула еще быстрее, словно пытаясь собственной скоростью обогнать мысли.

Она скользнула мимо зеркального фасада, нырнула под пересекающий улицу неоновый шлейф и, задышавшись, сделала еще несколько поворотов. Но внезапно остановилась.

Все вокруг выглядело неправильно.

Город, казалось, потерял устойчивость. Текстуры зданий медленно осыпались, превращаясь в пыльный свет. Воздух дрожал волнами, словно над раскаленным металлом. А ас-

фальт под ногами пошел трещинами, сквозь которые проступала пустота. Темная и бездонная.

Лин в панике обернулась, проверяя, не гонится ли за ней Хранитель, но позади никого не было. А вместо этого прямо перед ней, в самом центре разваливающейся улицы, внезапно возник силуэт.

Вроде человек, но его тело словно бы не держало форму. Оно дрожало, перетекало, постоянно меняясь. Собиралось во что-то, чтобы через мгновение снова распасться.

Лицо менялось непрерывно. Черты сдвигались, накладывались друг на друга. Будто система не могла решить, что именно должна отображать. Глаза окрашивались разными оттенками: серым, янтарным, черным. И тут же гасли. Губы шевелились, но Лин не могла ничего расслышать. И при этом никак не получалось отделаться от ощущения будто оно говорит сразу десятком голосов, каждый из которых несет собственный обрывок речи.

Существо не двигалось, просто смотрело на нее. Если это вообще можно было назвать взглядом. Над его протянутой рукой висела голограмма, изображение постоянно менялось: осколки комнаты, где пахло горячим металлом и старым деревом; свет в окне, за которым шел дождь; Викон, сидящий за столом и что-то быстро печатающий...

Лин рванулась вперед почти рефлекторно. Будто пытаешься ухватить ускользающее мгновение, пока оно еще существует. И в тот же миг ее настигло ощущение чужого прикосно-

вения.

Холодного. Безымянного.

Оно не касалось тела. Оно прошло по разуму, скользнуло вдоль мыслей, проверяя границы. Как внезапная головная боль, которая пока что не разошлась в полной мере, а лишь ищет, нащупывает пределы пространства, в котором собирается существовать.

Не понимая, что делать, Лин мысленно обратилась к этой боли:

«Кто ты?»

И тут же она словно открыла дверь потоку. В ее сознание ворвался ответ:

«Я крик, выброшенный на волю,
Я обрывок песни, которую забыли.
Я запах забытых надежд,
Я потерянная мысль...»

Их было так много, и они все одновременно пытались ворваться в чуть приоткрытую дверь и высказаться. Лин чувствовала, будто ее взломали. Она не понимала, что делать, как среди этой какофонии звуков сосредоточиться на собственных мыслях, сделать хоть что-то.

Она зажала уши, но это не помогало. Ответы продолжали литься в нее и звучали одновременно везде. Внутри черепа, в ушах, в голове, в груди, в сердце.

«Я знаю тебя!

Я погиб...

Я растворился...

Я исчез...»

Они рвались вперед, отыскивая в ней те уголки, где они могли бы звучать, пока у них появился шанс.

Лин стиснула кулаки, колотя себя по голове, чувствуя, что теряет сознание.

«Я — след...

Я — ошибка...

Я — дорога...

Я — миг...»

Она зажмурилась от боли, не видя ничего вокруг.

— Хватит! Прекрати! Остановись!

Кажется, она кричала. Громко и истерично. Во все горло. Но это не помогало.

Она замерла, задыхаясь, сжимая кулаки. Шепот вибрировал в ней, как вирус в системной папке. Заполнял, вцеплялся в душу и вырывал из нее куски.

— Не-е-е-ет! — закричала она, чувствуя, как ее словно разбирают на обрывки кода. Но внезапно шум исчез. Кулаки разжались. И Лин провалилась во тьму.

6

Когда созн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.